

СЕРГЕЙ ТУМАНОВ

ПЫЛЬ ПОД СОЛНЦЕМ

УМИРАТЬ НЕ КОМИЛЬФО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Туманов
Пыль под солнцем.
Умирать не комильфо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68949513

SelfPub; 2023

Аннотация

Пыль под солнцем. Потеряв память, не зная, кто они и где очутились, герои блуждают по городам, локациям и во времени. Меняется, словно декорации в спектакле, окружающий их мир, но человеческая сущность остаётся прежней. Умирать не комильфо. Живёт себе человек, планы на будущее строит. Идёт по улице – бац! Кирпич на голову. Нехорошо.

Сергей Туманов

Пыль под солнцем.

Умирать не комильфо

Глава 1

– Let's go! Go, go, go! – орал впереди мужик в камуфляже, оглядываясь и маша левой рукой. В правой руке он держал винтовку М16. За мужиком, перебегая и укрываясь за обломками зданий и покорёженными автомобилями, продвигалась кучка солдат. По ним яростно палили с развалин и окон домов. Грохотали разрывы гранат, трещали очереди из автоматов. Антон так же, как и остальные, перебегал от укрытия к укрытию, стрелял из калаша, по выглядывающим отовсюду фигурами врагов. Пули выбивали столбики пыли, враги падали сражённые, но на тех же местах вновь появлялись новые. Антон снова стрелял по ним и удивлялся, что патроны в магазине не кончаются. Оружий по-английски мужик упал, скошенный очередью из крупнокалиберного пулемёта и неожиданно всё замерло. Застыли солдаты в разных позах, цветком распустилась и остолбенела рядом разорвавшаяся граната. Антон увидел возле своего лица замерший рваный осколок металла. Он инстинктивно отшатнулся назад, пяткой зацепился за торчавшую арматуру и грохнулся на пятую точку, больно ударившись копчиком об кусок

плиты.

– Эй, аккуратней! Береги честь и жопу смолоду! – услышал он позади себя весёлый голос. Обернувшись, Антон увидел подбегающего к нему человека в полной боевой выкладке. Из-под каски на чумазом лице весело блестели глаза, рот скалился в улыбке.

– Живой, боец? Айда бегом в укрытие, а то сейчас опять начнут!

Они устремились к ближайшим развалинам дома, через проём окна заскочили в разрушенную комнату и уселись, прислонившись спинами к наружной стене. Антон огляделся: везде неподвижно висела пыль, кое – где в воздухе замерли куски от бетона и штукатурки. Антон потянулся рукой к замершему рядом серому осколку бетона, но ладонь прошла насквозь, не задев его.

– Мираж, пока не начнут сызнова – подал голос незнакомец.

– Где это мы?

– Где? В игре, какой то, наверное. Незнакомец придвинулся ближе – Ты помнишь, как попал сюда?

Антон закрыл глаза, напрягся. – Ничего не помню, абсолютно.

– И кем был, тоже не помнишь?

– Нет. Чистый лист.

– У меня тоже, тем же концом, потому же месту. Меня кстати Дмитрием кличут, можно Димоном. Имя то своё хоть

помнишь?

– Да, я – Антон.

– Будем знакомы. Дмитрий протянул руку в тактической перчатке без пальцев. На руках Антона были точно такие же.

– Значится так, я тут как бывалый старослужащий объясняю диспозицию. Мы находимся в какой-то вертуалке, где всё в незаправду. Какой-то тупой ламер играет в какую-то тупую военную стрелялку. Играет херово, так как постоянно его ботов мочат. Предлагаю, слинять отсюда в даль светлую, ибо здесь можно дрочить без толку до бесконечности.

– И где эта светлая даль?

– Морду высунь из окошка и погляди на запад. Видишь, переливается золотом?

Действительно: – горизонт на западе играл жёлто-золотистыми сполохами. На их фоне вечерние развалины города казались особенно зловещими. Антон прикинул дорогу, – нужно перебежать мост, за который только что воевали, потом по улицам, засыпанным остатками домов и покорёженными машинами... далековато будет.

– Не ссы, – догадавшись о ходе его мыслей, проговорил Дмитрий. – За мостом пара улиц и поле, а там лес. Прорвёмся.

Тут опять загрохотали взрывы, затрещали выстрелы.

– Не лезь, – придержал Антона за рукав Дмитрий, – это ненадолго, без нас разберутся.

Через пару минут всё утихло.

– А вот теперь пора! Держись за мной! Понеслась манда по кочкам!

Они быстро миновали мост, обегая застывших своих и вражеских ботов, и устремились по улице прочь. Опять загрохотало, быстро заскочили в полуразрушенный подъезд. Мимо проскрежетал гусеницами танк, остановился поодаль, поведя стволом, выстрелил из орудия. Вокруг него густо за клубилась пыль. Покачиваясь на гусеницах, гулко пальнул ещё раз и, лязгая траками, медленно покатился дальше. Вроде никого, можно бежать дальше. Антон не успел запыхаться, как дома неожиданно закончились, впереди оказался густо заросший бурьяном пустырь. Горько пахло полынью. Вдали прерывистой линией темнел лес, а за ним золотыми заревом всё ярче полыхало небо. По неглубокому буераку змейкой вилась едва заметная тропинка, они быстрым шагом пошли по ней, удаляясь от чёрных развалин города. Через некоторое время тропинка повела их вверх на косогор. Тяжело взобравшись на него, они обомлели – впереди, буквально в нескольких метрах, слегка дрожа в воздухе, переливаясь и потрескивая, уходила ввысь золотистая полупрозрачная стена. Сквозь её проглядывались мрачными тенями деревья тёмного леса, начинавшегося за стеной.

– Ну, кажется, добрались – остановившись, проговорил Дмитрий. – Это черта.

– Странно, а мне она казалась далеко за лесом, а тут вон оно как, Михалыч!

– А почему Михалыч? – удивился Дмитрий

– Хрен его знает, наверное, присказка из прошлой жизни.

Антон облокотился руками на висевший на шее автомат –
Что делать то будем?

– Репу чесать! Вперёд и с песней! – Дмитрий решительно направился к стене. – За мной, бандерлоги! – он шагнул, стена затрещала, заискрилась и поглотила его.

– Бля! – проорал Антон, зажмурил глаза и ринулся следом. В голове его помутнело, засосало под ложечкой, он почувствовал, что куда-то с грохотом проваливается. Вдруг он почувствовал опору под ногами, грохот оборвался. Он медленно открыл глаза. В чернильном небе ярко светила луна, заливая бледным светом всё вокруг. Он стоял по пояс в траве, спереди блестела река, сзади чернел лес. Где-то скрипел коростель, вдалеке звенел сверчок. Антон огляделся, жёлтая стена исчезла, словно не было её вовсе. Зашелестела трава, Антон передёрнул затвор автомата.

– Тихо, свои! Убери пукалку, пальнёшь сдуру! – Услышал он голос Дмитрия.

Антон обрадовался появлению Дмитрия. Быть одному неизвестно где, хоть и с оружием, совсем не айс. К тому же не ясно, как автомат поведёт себя в новых условиях. Надо будет проверить, хотя по весу вроде как настоящий.

По-видимому, этот вопрос волновал и Дмитрия. Он отсо-единил рожок, выдернул оттуда патрон, повертел его в руке, зачем-то понюхал.

– Кажись настоящий, я думал, как перейдём черту, останемся с голой жопой, ан нет. Он вставил патрон на место и присоединил рожок.

– Так что мы опять в виртуале?

– Хрен его знает, поживём, увидим. Как депортировался то?

– Нормально, чуть не обрыгался.

– А я чуть не обосрался. Кстати, пожрать бы не помешало. У меня в рюкзаке сухпай армейский заныкан, в нём и спички есть. Пошли к лесу, костерок запалим.

У края леса устроили привал. Наломали сухого валежника.

У Дмитрия в рюкзаке кроме двух коробок армейского сухпайка, нашлась и алюминиевая кружка, и фляга с водой. Обстоятельный чел. Сухпайк оказался довольно таки приличным. Хлебцы пшеничные, каша, гречневая с говядиной, гуляш с картофелем, сыр, паштет и ещё много чего. Нашлись там и спички охотничьи и таблетки сухого горючего. Подкрепившись, лёжа у костра, стали решать, что делать дальше. Решили – ничего, выспаться по очереди, потому как утро вечера мудренее. Первый заступил на дежурство Дмитрий. Антон поудобнее устроился возле костра и закрыл глаза. Думать не хотелось, навалилась усталость, и он провалился в тяжёлый сон, покуда его не растолкал Дмитрий.

– Вставай Антоха, принимай вахту.

– Всё нормально?

– Тишина. Чай в кружке. Я спать.

Антон подкинул валежника в костёр, наблюдая как языки пламени, разбрызгивая искры, жадно лижут сухие ветки, задумался. Так кто же он? Где он? Как тут очутился? Может это всё ему снится? Он протянул руку к огню костра и тут же отдёрнул. Жжёт, ёптать! Напрасно он не напрягал память, силясь хоть что-то вспомнить, перед внутренним взором мелькали лишь бессвязные тени. Пустота. Да ну на хер! Лучше поверить свою амуницию. Он подтянул к себе автомат, отстегнул рожок, выщелкал оттуда патроны. Два десятка. Обрато зарядил рожок, удивляясь, что он это умеет. В разгрузочном жилете, ещё один полный рожок, охотничий нож, фонарик. Не густо. На ногах кроссовки, из одежды камуфляж, бронника не наблюдалось, шлема на голове тоже. М-да...

Меж тем потихоньку рассветало. Повеяло прохладой, луг перед рекой сплошь заволокло белым влажным туманом. Туман вплотную подобрался к лесу, к ихнему привалу, за клубился близь костра. Сделалось тревожно. Послышалось негромкое конское всхрапывание. Антон подтянул к себе автомат. Из стены тумана показалась унылая лошадиная морда, она с укором посмотрела на Антона.

– Ты кто? – спросил Антон

– Конь в пальто – ответила лошадь. Действительно, сквозь сизый туман просматривался конский силуэт, на туловище которого было надето пальто, а крупную клеточку, с овечьим

воротником.

– Ты ёжика не видел? – спросил конь.

– Нет.

– Ну, я пошёл тогда.

– Иди.

Лошадь попятилась и исчезла в тумане. Зашелестела трава, в лесу ухнул филин.

– Сам дурак! – ответил ему Антон и подумал – А куда ёжик то пропал? Наверное, в тумане заблудился.

Глава 2

К полудню они добрались до пригородного дачного посёлка. Решили понаблюдать за стандартным двухэтажным домиком, что находился у самого леса. Возле крыльца стояла машина с открытым капотом, там ковырялся парень примерно их возраста. Ничего подозрительного. Минут через несколько решили проявить себя. Осторожно открыли калитку, по-тихому подошли к машине, окликнули парня. Тот выпрямился, вытирая ветошью руки, спокойно посмотрел на них. Ни страха, ни удивления, словно видеть вооружённых людей возле своего дома для него привычное дело.

– Из-за черты?

– Да, откуда знаешь?

– Не вы первые. Чем могу?

– Можешь. Купишь? – Дмитрий снял с руки часы. Ролекс. Парень взял часы, повертел в руке.

– В дом зайдите, не маячите тут. А я осмотрю вашу ве-

щичку.

Они втроём зашли в прихожую. Парень указал на диван, а сам подошёл к столику с ноутбуком.

– Сколько? – спросил он оттуда через некоторое время.

– Половину цены – запросил Дмитрий.

Парень подошёл к ним, уселся, напротив, в кресло.

– Документы есть?

– На часы?

– У вас. Что вы – это вы?

– Нет.

– 15 процентов и гражданские шмотки для вас.

– А пару гранат в дом?

– К часам ещё гранаты, тогда 15 процентов, шмотки, рюкзак и доставлю в черту города, – весело ответил парень

– И обрисуешь, что здесь да как.

– По дороге.

Среди вороха вещей, принесённых хозяином, выбрали подходящие. Переоделись. Обмундирование и автоматы, запихали в рюкзаки, (благо у обоих оказались калашы немецкой модификации со складывающимся металлическими прикладами). Из своего рюкзака Дмитрий вытащил ещё одни часы, такие же, как те, что продал, и протянул Антону. Себе он надел точную копию.

– Возьми, пригодятся.

– Где ты их набрал? Дорогие же.

– Потом расскажу – запихивая себе сзади за пояс писто-

лет пм – проговорил Дмитрий. – Из-под куртки не видно? – обернулся он к Антону.

– Нормально.

– Нормально будет, когда вы себе на лоб вот это наклеите.

Как у меня.

На лбу у парня красовался оранжевый значок, наподобие штриха кода.

– Что это за херня и зачем?

– Это значок благонадёжности и благочестия. Выдаётся на неделю. Светится в темноте, распознаётся полицейскими сканерами. С вас обойма к макарычу. Штука дорогая.

Парень протянул две наклейки

– Ты это серьёзно?

– Без них вас загребут, а без документов и к стенке поставят.

Поржали над собой, но наклеили, куда деваться – в чужой монастырь со своим уставом не лезь. Трясясь по ухабам, поехали к городу.

– Дороги у вас конечно шикарные – съязвил Антон, когда последний раз ремонтировали?

– Каждую осень заливают, а весной их размывает.

– Может сделать один раз, но качественно?

– Зачем? Деньги с бюджета спущены, рабочие места созданы, все довольны. Сделаешь хорошо, люди без работы останутся, кормушку прикроют.

Солнце застряло в зените. Вдоль дороги тянулись дачные

домики, кое- где разрушенные, а местами сожжённые.

– Это пару недель назад демократию устанавливали – пояснил парень.

– Установили? А раньше, что было?

– То же демократия.

– И что поменялось?

– Наклейки. Раньше на запястье клеили, теперь на лбу.

– А народ что?

– Что народ? Народ ликует.

– А раньше?

– Раньше тоже ликовал.

– Но есть же недовольные?

– Есть. Их вылавливают и демократизируют. Сами увидите.

Они въехали в город. Вокруг сновали по-летнему одетые люди, молодые мамы, прогуливались с колясками, работали магазины, где-то играла музыка. Обычная городская жизнь. Возле железнодорожного вокзала они тормознули.

– Приехали. Мой совет – сдайте рюкзаки в камеру хранения, и аккуратней. Самое лучшее для вас купить билет и свалить в другой город. Там революция намечается, легче затеряться. Ну, бывайте.

Так и поступили, рюкзаки положили в автоматическую камеру хранения, сами вышли на площадь. Народу на улицах было порядочно, у всех на лбу красовались наклейки, оранжевые, красные, жёлтые. Что ещё бросалось в глаза, на

груды у всех взрослых прикреплены пластиковые карточки разных расцветок, но в основном розовые.

– Извините, уважаемая, мы приезжие, не подскажете, зачем у всех карточки на груди? – притормозил Дмитрий пожилую женщину. Вот и у вас, смотрим, то же розовая, на кофточке.

– Вы что, с луны свалились? – изумилась женщина. Это карточка личного мнения. Розовая – значит, что ваше мнение совпадёт с узаконенным общим. Без карточки, как и без клейма на лбу нельзя. Так что бежите скорее к ларьку и покупайте своё мнение.

– Большое спасибо, уважаемая, непременно обзаведёмся собственным мнением.

Возле площади перед вокзалом стоял ларёк, где продавали автобусные билеты и карточки на мнение. Был и ценник, дешёвым оказалось розовое мнение, которое совпадало с мнением большинства. Оно стоило чуть дороже автобусного билета. Самое дорогое – это особое мнение, карточка красного цвета. Спросили у продавца, чем же оно отличается от общего? Оказывается – жёсткостью. Если, к примеру, общее мнение требовало, чтобы людей без клейма на лбу сажали в тюрьму, то обладатель красной карточки мог требовать расстрела. Самый же дешёвый выдавался человеку, который не знал, как иметь собственное мнение. Ему растолковывали, какое должно быть его мнение и выдавали жёлтую карточку, за сущие копейки. Как-то так.

– И каково же в данный момент должно быть наше собственное мнение относительно происходящего?

– Всё идёт прекрасно, верховный и правительство денно и ночью заботится о благосостоянии и процветании своего народа. А если и есть отдельные недостатки, то они моментально исправляются. Будете брать?

– Да, два жёлтых, без сдачи.

– Получите и распишитесь.

– Как же хорошо иметь своё собственное мнение почти задарма. И мозг напрягать не надо. Дмитрий, смеясь, прикрепил каточку к груди, – Пошли, перекусим, жрать охота. Как твоё мнение?

– Жёлтое, одобрямс.

Глава 3

В кафешке, куда они зашли, царил полумрак, народу было немного, кормили за умеренную цену весьма сносно. За соседнем столиком, развалившись, восседали два крепких парня, в камуфляже, в наколенниках, подлокотниках, с красными наклейками на лбу. Они лениво потягивали пиво и переговаривались. Зелёные шлемы из арамида висели на спинках стульев. Резиновые дубинки – тонфы, с поперечной рукояткой, возлежали на столе. Антон прислушался к доносившимся обрывкам фраз. Смысл был таков – те, кто живёт в городе, козлы и сволочи. Их надобно нещадно долбить демократизаторами по ихним пустым бестолковкам, потому как если в деревнях и прочей периферии живут чуть ли не впроголодь,

то городские жируют и бесятся, суки. Им и привилегии всякие, и надбавки. Сами ничего не производят, а живут, заседают окраин. С другой стороны, пусть студентки – интеллигентки, бузят помалу. Если всех упакуют, и возмущаться будет некому, тогда их, защитников порядка, расформируют за ненужность. А кому охота за нищенскую зарплату торчать весь день у станка на заводе? Так ещё и завод то найти надо, всё позакрывали. Тут же работа не пыльная, колошмать хилых городских, разгоняй их сборища за приличное бабло. Красота.

На улице заверещала полицейская сирена, brave ребята, похватав дубинки, побежали защищать демократические ценности.

– Слышал, о чём базарят? – спросил Димон. – Может и нам, как ни то пристроиться в ихние ряды?

– Без документов?

– М-да, пожалуй, не прокатит. Пошли что ли, глянем, как ребята на благо отечества трудятся.

На площади, возле памятника, жидкая разношёрстная кучка людей что-то пыталась выкрикивать, держа над головами от руки написанные плакатики. Ребята в шлемах неторопливо выхватывали их по одному и волокли в автозак, что стоял поодаль. Прохожие издали украдкой снимали всё на телефоны и тут же испарялись в переулках. К Антону подошёл пожилой опрятно одетый дядечка, с жёлтой карточкой на груди, моргая выцветшими глазами, проговорил:

– Что-то с моим зрением случилось... Видите, как людей полицаи в машины волокут?

– Вижу – ответил Антон

– А я нет! – радостно заявил дядечка.

– Они и кричат ещё. Слышите?

– Нет, не слышу. Болезнь у меня такая. Тут многие ею болеют.

Антону стало интересно.

– А если сверху указ придёт, всё видеть и слышать, да ещё и мнение об том, что видишь иметь, своё, бесплатное?

– Такого быть не может! – убеждённо проговорил пожилой обладатель жёлтой карточки с оранжевым клеймом на лбу. – Этак каждый, кто в лес, кто по дрова! Бардак начнётся.

– Это ваше мнение?

– Моё мнение? Ну не знаю... пойду, уточню – засомневался дядечка и засеменял прочь, очевидно, к киоску за разъяснениями, а может доложить, куда следует.

– Пошли-ка отсюда, от греха подальше, дядька уж больно стрёмный – проговорил Дмитрий, молча слушавший разговор. – Где-то музыка играет, может парк развлечений, давай посмотрим, как тут меченые отдыхают.

Они свернули в переулок, вышли на следующую улицу, которая упиралась в огороженный, утопающий в зелени парк, с возвышающимся над ним, чёртовым колесом. Там играла музыка. Когда они подошли ближе, то увидели возле турникета с кассой огромную вывеску со схемой парка, рас-

положением различных павильонов с перечнем увеселительных мероприятий. Это и качели, карусели, шашлыки, барбекю... В шестом павильоне – воскресные казни, с применением передовых технологий.

– Прикинь, казни по выходным! – изумился Дмитрий

– Наверное, типа комнаты страха, с манекенами заводными. Пошли, заценим.

Вход в парк стоил дёшево, а дети и пенсионеры могли посещать бесплатно, поэтому по парковым дорожкам носились визжащие орды детей, а на лавочках степенно сидели старички и старушки. Солнце сияло в небе, на деревьях пели птички. Благостно и жарко. Купили себе мороженое. Вот и шестой павильон – приземистое серое здание. Возле входа на стуле сидел билетёр, в красном колпаке палача, рядом деревянная плаха с воткнутым огромным топором и красочная вывеска: "Праздничные казни – с 9.00 до 17.00. Спешите посетить! В программе: музыка и танцы! Свежий попкорн! Скидки до 30% процентов на билеты с участием в групповых расстрелах! Впервые ГИЛЬОТИНА в личных казнях! Не пропустите! КОЛИЧЕСТВО БИЛЕТОВ ОГРАНИЧЕННО!"

– Почём билеты? – поинтересовался Антон.

– Смотря на что, зевая, проговорил кассир. – Зрителю одна цена, участнику другая. Он протянул ценник.

– Ого! Цены то для участника кусачие! Овёс что ли подорожал?

– Ну, так жизнь денег стоит. Поторопитесь, через пять минут начало.

Взяли билеты для зрителей, за отстрел ботов платить не хотелось.

Они попали в зал, похожий на кинотеатр. Ряды кресел, ступенчато опускающиеся к площадке. Половина площадки была разделена на шесть секторов перегородками из орг. стекла. В самом начале секторов стояли треноги, с закреплёнными на них арбалетами. В конце коридоров висели бархатные багряные занавески. На второй половине площадки возвышалось какое-то сооружение, закрытое холстиной. Над площадкой огромный монитор. Зал был почти полностью заполнен зрителями, в основном мужчинами средних лет. Почти все они усердно жевали попкорн. Антон с Дмитрием нашли свободные места, чуть пониже их находилось кресло и стол, с монитором и огромной красной кнопкой посреди стола. Кресло пустовало. Не успели оглядеться, как в зале медленно погас свет, осталась лишь ярко освещённая площадка. Из динамиков раздался громкий весёлый голос:

– Дамы и господа! Сегодня мы присутствуем на знаменательном благотворительном событии. Сегодня день отстрела пенсионеров! Все вы догадываетесь, как тяжело жить в старости. Тебя преследуют болезни, зачастую тяжёлые и смертельные. Да и просто люди устают жить. И вот мы предоставляем им возможность добровольно уйти из жизни, заработав при этом некоторую сумму для своих детей и внуков, согла-

сившись добровольно быть в качестве мишеней. Участвующих, в благотворительной акции прошу подойти к стойкам с арбалетами.

Сбоку площадки открылась дверь, оттуда вышло шестеро мужчин. В зале недружно захлопали. Мужчины заняли места возле арбалетов.

– Правила просты, – продолжал диктор. – Перед каждым участником в конце коридора повернётся площадка, на которой к столбу будет привязан доброволец. На голову его будет надет мешок, дабы не травмировать зрителей. По команде участник включает лазерный прицел, красная кнопка сбоку, наводит лазерный луч на грудь своего подопечного, по команде, нажимает на курок. Из арбалета вылетает дротик, начинённый смертельным ядом мгновенного действия. Дротик попадает в грудь, наступает смерть. Желаящие могут нажать на курок ещё раз, произвести для верности контрольный выстрел, так сказать. Но это необязательно. Все готовы? Отлично! Поехали. Убив пенсионера, сделаешь государство богаче!

Занавески взлетели вверх, площадки повернулись, – там действительно находились обречённые, одетые в серые балдахины и с мешками на головах, привязанные к столбам. Некоторые из них шевелились.

– Включить прицелы! – последовала команда из динамиков. – Красные огоньки заматались на груди смертников, пока не остановились.

– Огонь!

Дротики впились в жертвы, на серой ткани балдахинов, выступила кровь, тела несчастных задёргались в конвульсиях. Всё это отображалось на большом мониторе над площадью.

– Огонь! – опять скомандовал ведущий

Опять полетели дротики, через минуту всё было конечно, конвульсии прекратились, тела безвольно обвисли на верёвках. Площадки повернулись, занавески вернулись на место. В доселе затихшем зале загудели голоса. Сидящий рядом и жующий попкорн упитанный мужик, недовольно пробурчал: – " И это всё? За что деньги дерут?"

Антон и Дмитрий молча переглянулись, Антон был бледен. Участники расстрела удалились.

– Ну, а теперь дамы и господа, гвоздь программы – казнь на гильотине! – голос из динамика, излучал восторг. Встречайте неоднократную исполнительницу этого изумительного действия!

Из той же двери, что и предыдущие экзекуторы, под свист и хлопанье зала появилась накрашенная дама не первой свежести, с огромными силиконовыми губами, надутой грудью и задницей. Она, приветственно улыбаясь и помахивая рукой, прошествовала к креслу с красной кнопкой и монитором.

Холстина, укрывающая сооружение, опала вниз, это оказалась площадка с гильотиной наверху. Из глубины пло-

щадки, вверх по лестнице, два амбала волокли упирающегося человека. Перед камерой приостановились. Монитор над площадкой крупно отразил лицо осуждённого. Заклеенный скотчем рот искажился в крике, глаза выпучены от ужаса. Было видно, что он молод.

– Красавчик! – громко произнесла губастая исполнительница казни. – Хорошая голова для моей коллекции!

Осуждённого повалили на скамью, привязали ремнями. Голову просунули в деревянную доску с выемкой, закрепили такой же сверху.

– Преступления осуждённого ужасны! Он посягал на священные устои общества! Он призывал к свержению демократии, а уж каким путём, совсем не важно! Какие тёмные мысли роились в его голове! За это он её сейчас и лишится! Внутренние органы его пойдут на пересадку, нуждающимся в этом честным гражданам! Свершим же благородное дело, не дадим честным людям погибнуть! Милосердная дама, вы готовы?

– Да! – закричала силиконовая, за пультом.

– На счёт три нажмите красную кнопку. Раз – два – три!

Нечто в юбке с размаху ударило рукой с наклеенными длинными ногтями по кнопке. Нож стремительно опустился, голова отлетела и упала в корзину, из обрезка шеи хлынула кровь. Один из obsługi за волосы поднял голову, отодрал скотч и сидящие в зале крупным планом увидели на экране отрубленную голову с окровавленным ртом. В зале зашумели.

мели, кого-то начало рвать. Исполнительница казни радостно захлопала в ладошки. Не сговариваясь, Антон и Дмитрий устремились к выходу.

– Ёптать, что это было?

– стараясь удержать рвотные позывы, спросил Антон. – Живых людей казнить напоказ, да ещё и за деньги? Как так-то? Что не так с этим народом?

Дмитрий задумчиво осмотрелся вокруг. Всё так же светило солнце, играли дети, в кустах щебетала пернатая сволочь.

– Да всё не так! – произнёс он. – Люди то настоящие, похоже... Странно всё это.

– Вот именно, похоже... Пошли отсюда, что-то мне тут разонравилось. Может, в следующую локацию рванём?

Глава 4

Они вышли с другого конца парка, около церкви, которую, окружали строительные леса. На площадке, возле ограды, в ряд приткнулось несколько торговых ларьков, был там и церковный. Нужно было прикупить продуктов в дорогу, да пробить, где можно обзавестись смартфонами с серыми симками.

– Айда, в церковный – позвал Дмитрий. – Душа мне подсказывает, что у служителя господи всё найдётся...

В магазине среди штампованных икон, крестиков, свеч, за прилавком, скучало лицо низкого церковного ранга. Не первой свежести чёрный подрясник, засаленная скуфья на голове. Жидкобородый, слегка опухший лик, с синим клеймом

на лбу, намекал, что его обладатель грешит чревоугодием и прочим прелестям. Взгляд был хитёр и цепок.

– Здравствуйте – зайдя, поздоровались сотоварищи.

– И вам не хворать! Что надобно?

– А нужно нам, – проговорил Димон вкрадчиво, – кстати, как к вам обращаться?

– Крещёный?

– Крестик ношу, однако.

– Тогда, брат во Христе, достаточно.

– Брат во Христе, господу сверху всё видно, может он узрит, пару сотовых и симки к ним?

– Тот не унывает, кто на бога уповает, – брат во Христе зыркнул на часы Дмитрия. – Что у людей водится то и у нас хороводится.

– Цена вопроса?

– Что богу угодно, то и нам пригодно. Сторгуемся.

Богу было угодно содрать с руки Дмитрия часы, взамен на два дешёвеньких смартфона с левыми симками и немного денег.

– Может и водочки? – предложил довольный сделкой церковник.

– Водкой то же здесь торгуете?

– Здесь нет, а вот в соседнем ларьке запросто, там я частное лицо.

– Водки нам не надо, – ответил Антон. – У меня вопрос есть. Церковь в курсе, что людей казнят в парке на потеху

всем, за деньги?

– Грех это. У нас эвтаназия разрешена, а это одна из её форм. Но церковь против этого.

– И что вы делаете?

– Молимся за грешников, грешны и кто убивает, и кого убивают, ибо господь дал им жизнь и только господь вправе забрать её.

– А, тот, кто убивал, приходят к вам покаяться?

– Приходят, и деньги жертвуют на строительство храма. Но, всяк крестится – да не всяк молится. Храм то вот здесь нужно строить, прежде всего, – брат во Христе показал на клеймённый лоб и грудь. На миг во взгляде его промелькнула ярость. – Понятно ли?

– Ясно. Церковь против, а деньги от убийц принимает.

– Каков поп, такой и приход. Времена сейчас смутные, но народ наш богоизбранный, думаю, разберётся.

Как разбирается народ, увидели по дороге на вокзал. Возле одного из зданий выстроилась очередь. На здании висел огромный плакат, на котором был изображён суровый дядька и надпись поверх большими красными буквами: "ПОМНИ! Я ВСЕГДА С ВАМИ!"

– Что за очередь, уважаемые? – подходя, спросил Антон. – Халяву, какую дают?

– Выборы, не видишь, что ли? – ответили ему из очереди.

– А за кого голосуете?

– Кого назначили, за того и голосуем.

– Зачем? – Не понял Антон – Если и так уже назначили?

– Ты чего, дурак, или прикидываешься? – изумились в толпе. – У нас демократия! Мы люди свободные, что нам скажут то мы и захотим. Ты разве не так?

Тут только Антон заметил, что у всех стоящих в очереди на груди жёлтые таблички личного мнения, а на лбу оранжевое клеймо благонадёжности.

– Всё так, православные! – поспешил заверить Антони, отходя в сторону, и проговорил:

– Господи! Ну и быдло же богоизбранное! Уёбки раболепные!

– Не поминай господу всеу – засмеялся Дмитрий – Бог сюда и не заглядывал!

Поезд в город, куда они собирались, отправлялся лишь на следующие сутки, поэтому решили добираться на такси. Таксист, узнав, куда они собираются, наотрез отказался туда ехать.

– Не, ребята, там горы, и народ тамошний не очень-то приветлив. Давайте я вас до проката машин доведу, и вы уж как-нибудь сами.

Пока ехали, разговорились.

– Что вы хотите, людей загрузили ипотеками, кредитами, налогами, – рассуждал таксист – Все мысли лишь о том, где денег раздобыть, да как с работы бы не вылететь. Думать некогда. Размышлять хорошо, на сытый желудок, и когда есть уверенность за будущее. Раньше как было? Все во-

ровали, но понемногу. Теперь позволено только избранным. Украл миллиард – ты в думе, почёт, уважуха и ссы на всех сверху. А мы? Банку огурцов спёр, в тюрьму загремишь... а ещё новый налог на воздух. Дышишь? Кислород потребляешь? А почему бесплатно? Плати. Машину брать будете, скажете – по городу только покататься, а то не дадут. Ну, удачи.

За прокат, выгребли почти все деньги, и часы Антона пошли в дело. Машина была старая, ржавая, но на ходу. Возле шаурмы остановились перекусить. Сидя в машине и жуя жёсткое мясо, наблюдали как четверо молодых, не местных жителя, увлечённо избивали двоих городских. Те, закрыв голову руками, катались по грязному асфальту. Их пинали ногами, мимо сновали богоизбранные, но никто не пытался вступиться.

– Смотри, смотри, как мышки, отворачиваются и шмыг в свои норки! – комментировал Дмитрий.

– Может, встрянем?

– Сиди, это не наш народ. Вырастили породу ботанов, способных лишь на клавишах стучать.

Избиение закончилось, четверо с гоготом уселись в свою машину. Побитые с трудом поднялись, к ним подбежали прохожие, стали их отряхивать, кто-то совал свой носовой платок.

– Чтобы на равных говорить с этими – Дмитрий кивнул в сторону машины – нужно быть сильнее, жёстче их. Они

понимают только силу. Во, кажется, они увидели нас. Антон, а ну подкати к ним поближе, приостановись рядом. Машину не глуши.

Так и сделали, встали, напротив на противоходке, так что заблокировали двери.

– Вы почто, местных жителей бьёте? – крикнул в открытое стекло Дмитрий.

– Ты, баран, сын шакала, то же хочешь получить? – на Дмитрия был устремлён взгляд полный презрения. – Сейчас мы вас размажем по асфальту, говно своё жрать будите!

– На, дорогой держи! – Дмитрий рванул кольцо гранаты и зашвырнул её им в салон. Антон ударил по газам, сзади рвануло, послышались истошные крики. В зеркало заднего вида Антон увидел, как дверца машины открылась, и на асфальт вывалилось тело человека и поползло в сторону, из салона густо повалил дым. Антон свернул на боковую улицу.

– Вот так с ними нужно общаться – спокойно проговорил Дмитрий. – Такой язык они понимают.

– Как бы боком это общение не вышло. В ихние края едем. Глянь на путеводитель. Там вроде туннель в горах и граница, посреди туннеля.

– Херня! Видишь впереди горный хребет? Нам туда. За пару часов доберёмся.

– Слушай, давно хочу спросить, откуда у тебя столько часов крутых? – поинтересовался Антон.

– Всё просто, – рассмеялся Дмитрий. – Помнишь коман-

дира, что по-английски всё орал? Так вот я их у него на руке заметил. Как только остановка в игре, так я их быстренько цап, и в кусты. Игра по новой начинается, и у него часы опять возникают. Так и набрал. Жаль, мало успел... Рюкзак мой оскудел, пара гранат, Стечкин для тебя с запасной обоймой, ну и патронов на два рожка.

Солнце понемногу скатывалось к домам удаляющегося от них города. С обеих сторон дороги, тянулись заросшие сорняком поля, островки леса вдаль. Иногда проезжали брошенные селения, с ржавеющей сельхозтехникой возле пустых ферм. Разок остановились по нужде, заодно переоделись в форму, зарядили автоматы. Заполнили патронами рожки. Дмитрий вручил пистолет с запасной обоймой Антону, с пожеланием, чтобы не пригодилось. Поехали дальше. Горная гряда приближалась, становилось всё тревожнее, надвигающиеся сумерки таили угрозу.

Глава 5

– Похоже, нам капец! – хрипло произнёс Дмитрий, и Антон был с этим согласен. Он осторожно выглянул в щель между косяком и дверью, криво висевшую на верхней петле. Нижняя петля была, с корнем вырвана взрывом, сама дверь, посечённая осколками и пулями, белела вывороченной из неё щепой. Невдалеке от хижины, в которой они успели укрыться, потрескивая, догорала их машина. Языки пламени лениво лизали остов автомобиля, от колёс в небо струился чёрный дым. Отблески пламени пятнами играли на

ближайших валунах, за которыми укрывались их преследователи. Рядом с машиной неподвижно чернел труп, того самого, который бросил в дверь гранату. Был он молод и горяч, за что и поплатился. Дмитрий ловко уложил его с одного выстрела. Больше на рожон никто не лез, но обложили намертво.

– Похоже, сегодня они нашими черепушками в футбол играть будут! Что думаешь Антоха?

Антон тоскливо глянул на выложенную камнем глухую стену. Погоню они заметили недалеко от входа в ущелье, перегороженного грузовиком. Свернули по серпантину вправо и вверх. Возле выстроенной из камней старой хижины, что задней стеной упиралась в вертикальную скалу, машина намертво застряла. Выскочили из салона, сзади затрещали выстрелы, машина чадно задымилась и вспыхнула, Укрываясь за дымом, благополучно заскочили в строение. Каменные стены хижины были толстые, и защищали от пуль, дверь же пробивалась насквозь. Узкие окна, напоминающие бойницы позволяли отстреливаться. Поначалу, прикрываясь огнём из автоматов, преследователи попытались было добраться до них, но, получив отпор из двух автоматов, и потеряв одного бойца, залегли. Сейчас они затихли, словно выжидая, что-то.

– Напрасно ты в городе гранату то закинул – проговорил Антон

– Зря мы их не добились, вот это да. Кто-то по мобиле про

нас предупредил. Да что уж теперь...

Затрещали выстрелы сразу нескольких автоматов. Пули дробили дверь в щепу, та, сорвавшись с последней петли, с грохотом упала внутрь. Выстрелы прекратились. Дмитрий, пальнув в окно несколько раз одиночными, выглянул.

– Гранатомётчик! – заорал он – Берегись!

Он свалился за каменный стол прочь от двери, туда же упал и Антон, закрывая голову руками. Страшный грохот разодрал тишину. На спину Антона посыпались обломки камней, деревянного свода. Всё исчезло в пыли. Дмитрий мотнул головой, перекатился к дверному проёму, метнул наружу последнюю гранату. Вслед выпустил короткую очередь веером. Антон прислонился к стене, и закашлялся. В ушах звенело, пыль забивала лёгкие.

– Ещё раз пальнут, и кровля нас похоронит! – сквозь шум в ушах услышал он голос Дмитрия. Пыль оседала, стало видно, что граната обрушила внутреннюю стену строения, а там, – Антон аж зажмурился. За обрушенной стеной находилась маленькая комната, с круглым каменным колодцем посередине. А из колодца поднимался жёлтый столб света, в котором клубилась пыль, поднятая взрывом. Это увидел и Дмитрий.

– Антоха, это граница! Прыгай в колодец! – он метнулся к колодцу и, не раздумывая прыгнул вниз. Следом с криком бросился и Антон. Последнее, что он услышал, скрежет рушившейся кровли...

Очнулся он стоящим среди темноты, на набережной какого-то города. В отдалении на столбе раскачивался фонарь с воронкообразным отражателем. Пятно света от него, металось по брусчатке, теряясь в чёрной глади воды за кованым ограждением. По другую сторону набережной мрачными тенями чернели дома. "Живой! Я живой!" – облегчённо выдохнул Антон. В руке он до сих пор держал автомат. Поставив на предохранитель, прислонив его к бордюру, принялся отряхивать с себя пыль. Послышался стук копыт. По мостовой скакал конь буланый, в чёрном кожаном пальто. Увидев Антона, он остановился, грозно раздувая ноздри, высекая копытом искры, спросил:

– Эй ты, ушлёпок! Ёжика не видал?

– Не пробегал, – ответил Антон

– Ну, смотри, а то, ух я тебя! – пригрозил конь и помчался дальше.

– Пошёл ты на хер, конь педальный! – проорал вслед Антон, а сам подумал: " А где же всё – таки, этот долбаный ёжик? И Димона нет то же".

Глава 6

Стараясь держаться в темноте, Антон осторожно шёл по пустынной набережной безмолвного города. Казалось, город вымер. Свет редких фонарей лишь подчёркивал бархатную черноту, окутывающую остальное пространство. В окнах домов не горел свет, чернильная вода в канале неподвижно замерла в оцепенении, косматые мрачные тучи, бесшумно

плыли по небу.

Тяжёлые мысли вертелись в мозгу Антона. Напрасно битый час он прождал на месте, где очутился после отчаянного прыжка в колодец, надеясь на появление Дмитрия. Устав ждать, Антон решил двигаться к мосту через канал, освещённому двумя фонарями, примерно в полукилометре от него. "Куда пропал Дмитрий? Ведь он, Антон, прыгнул вслед за ним почти мгновенно. Но оказался один. Теперь он совсем не знал, что же делать дальше, и это не есть хорошо, скорее, это совсем не хорошо". Хотелось пить, хотелось спать, на тело наваливалась усталость. Антон облизнул пересохшие губы. По мосту, куда он направлялся, появился чёрный автомобиль с открытым верхом. Вот он свернул на набережную и неторопливо покатил навстречу Антону, тот вжался в стену, взял автомат наизготовку, готовый полоснуть очередь. Когда машина почти поравнялась, из неё в небо взметнулась ракетница. Антон увидел на сидении за рулём Дмитрия. Бросив автомат, он выскочил навстречу, подняв руки кверху. Фары автомобиля ослепили его, машина резко затормозила, к нему выбежал Дмитрий.

– Братан! Как я рад тебя видеть! – Дмитрий крепко обнял Антона. – Где тебя сутки носило, бро? Я уж думал тебе хана.

– Сутки? – удивился Антон. – Да я вслед за тобой прыгнул! Вовремя, кстати, последнее, что успел услышать, как кровля рушится.

– Молодец! Я тут разъезжаю, ракетницы в небо палю, тебя

разыскиваю. Ладно, пошли в машину, расскажу, что и как.

– Короче так, здесь революция! Мир хижинам, война дворцам. Смерть буржуям!

– А без лозунгов? – поморщился Антон.

– Отлавливаем богатых, экспроприруем имущество, в пользу трудящихся. Самых богачеев к стенке, их семьи в трудовобу на трудовое перевоспитание. Пускай суки прочувствуют, как живётся простым людям. Ты сам, как к этому относишься?

– Нормально отношусь, положительно – подумав, ответил Антон. – Только зачем к стенке, пусть пользу приносят, не все же злодеи.

– Народ больно зол на них, нужно пар выпустить. Поехали в штаб, тебя пристроить надо.

– Сам то, как в революционеры попал?

– Да легко. Свалился им на голову прямо возле штаба с автоматом в руке. Направляются ко мне, спрашивают: – "Ты с нами, товарищ? Революцию поддерживаешь?" – " Да говорю, и руками, и ногами и всей душой!" – А сам клеймо со лба стираю. – "Ну, пошли, говорят, буржуев разбуржуивать". – "Пошли".

Машина катила их по ночному городу. За мостом появились признаки жизни. Стали попадаться встречные машины. В домах кое-где светились электричеством окна. На перекрёстках возле горящих бочек, толпились вооружённые люди. Дворец думы сиял огнями. То и дело к нему подъезжа-

ли и отъезжали автомобили, беспрестанно в парадную дверь входили и выходили люди. Припарковав машину, друзья направились к входу. Вниз по широкой лестнице к ним навстречу спускалась красивая стройная среднего роста особа женского пола. В чёрной кожаном плаще, причёска короткий боб с микрочёлкой в стиле 20 годов, холодный голубых глаз.

– "Комиссарша" – почему-то подумал Антон.

– "Раздолбай" – подумала комиссарша, а может и не подумала, взглянув на Антона.

– Пламенный привет, Катерина! – воскликнул Дмитрий. – Вот, привёл своего пропавшего друга, нужно бы пристроить на ночлег.

– Нашёл, значит. – Катерина ещё раз оценивающе посмотрела на Антона – Хорошо, придумаю, что ни будь. Ну а ты подежурь пока за меня, разруливай до утра, сможешь, Димон? Если что, звони...

– Да легко, – вслед удаляющей Катерине проговорил Дмитрий. – Ну а ты что встал, хлопнул он по спине Антона – Бегом за ней! Ах, хороша Маша, да не... и подмигнул Антону.

Ехали молча, лишь один раз Катерина, управляя машиной и следя за дорогой, негромко спросила: – "Триппером, сифилисом, венерическими, болеешь?" – получив на это отрицательный ответ, молча кивнула. Вела машину она легко и уверенно, даже несколько небрежно, как показалось Анто-

ну. Миновав несколько кварталов, въехали во двор одного из домов. – "Иди следом за мной и держи автомат наготове" – коротко бросила она, вылезая из машины.

Однако ничего не произошло, и они благополучно добрались до квартиры, что находилась на третьем этаже.

– Чьё это жильё? – поинтересовался Антон.

– Моё.

– И ты привела меня к себе домой? – несколько удивился Антон.

– Да, и что? Боишься? – чуть насмешливо спросила Катерина.

– Да нет, однако неожиданно.

– Есть хочешь? Тогда раздевайся и вали в душ. Я поесть приготовлю.

А потом они занялись любовью. Утром, наблюдая как, обнажённая Катерина расчёсывает перед зеркалом волосы, Антон сказал:

– Надеюсь, ночь с Клеопатрой, не ценою в жизнь?

– Я подумаю – серьёзно ответила Катерина.

Уже в машине, прежде чем ехать, она полуобернулась к Антону и, глядя прямо в глаза Антону, своим взором северного неба произнесла:

– Слушай расклад. Делай, что я скажу, делай, как я скажу, люби меня. Будешь косячить – пристрелю.

– "А ведь точно пристрелит!" – безоговорочно поверил Антон.

На площади возле думы их подждал Дмитрий в чёрном кожаном плаще.

– Что нового? – спросила Екатерина, после того как поздоровались.

– В восточном секторе беспредел творят, народ жалуется.

– Понятно. Сгоняйте туда с Антоном, вроде как опыт перенять. Разведайте, что и как. Только аккуратно, там зверьё. По ним давно пуля плачет. Я сейчас с их главарём переговорю, чтобы на вас там не наезжали. Кстати, хороший прикид. Ещё бы шляпу и кашне и будет полное комильфо.

– Сделаем! Пошли, Антон.

Когда подошли к кабриолету, на котором вчера приехали, Дмитрий достал с заднего сидения кожаный плащ, точно такой же, как на себе.

– Держи Антоха, с барского плеча!

– Ты что магазин экспроприровал? – поинтересовался Антон. Он снял автомат, положил его на сидении, примерял плащ. В самый раз.

– Подогнали по случаю. Надо соответствовать своей командирше. Кстати, как она?

– В смысле?

– Да во всех, не прикидывайся.

– Крута. Бесподобна. Сурова.

– Да уж, это точно. Повезло тебе. Но будь осторожен с ней.

При мне двоих пристрелила глазом не моргнув.

Они неторопливо покатали по городу, продираясь через

холодный влажный туман, окутавший серые улицы. Было безлюдно и неуютно, на брусчатке блестели осколки разбитых витрин магазинов, повсюду валялись пустые коробки, обрывки бумаги. Из одной из таких витрин серые силуэты людей, вытаскивали какие-то коробки.

– Грабь награбленное! – остановив машину, произнёс Дмитрий. – Посторожи машину, схожу, может, что надыбаю. Прихватив автомат, он неторопливо направился к магазину. Увидев его, люди замерли. Дмитрий подошёл к ним, что-то спросил, Антон положил автомат на дверцу, дулом к витрине, так чтобы все видели его и не расслаблялись. Дмитрий показал рукой на него, после чего исчез внутри магазина. Люди, косясь на машину с Антоном, продолжили вытаскивать коробки. Минут через семь вышел Дмитрий, держа в руках с дюжину шляп.

– Примеряй! – Бросив на сидение, промолвил он.

Антон выбрал себе широкополую шляпу, загнул спереди.

– Ну как?

– Клёво. А я?

– Пойдёт. Томпсон, вместо калаша и вылитый мафиози. Только малость опереточно. Давай попроще, в камуфляже, тем более потеплело.

Подъехали к элитным домам, дорогу к ним преграждал шлагбаум, пропускная будка сбоку. По периметру микрорайона возвышался двухметровый бетонный забор. Из будки вышел небритый мужик в засаленном камуфляже

– Вас что ли прислали к нам позырить, что делаем? – дыша перегаром, спросил он.

– Вроде того.

– Ну, тогда костыляйте за мной.

В будке было накурено, стоял крепкий запах перегара. За столом сидели четверо мужиков и резались в домино. В ответ на приветствие, один из них, полуобернувшись недобро глянув, процедил: – "Оружие на стол, ушлёпки семимесячные". Секунду подумав, добавил: – "Раздатки свои то же скидайте, вместе со штанами". Сидящие за столом заржали. Дмитрий, выхватив из раздатки гранату, метнулся к говорящему, обхватил его рукой с гранатой за шею. Другой рукой рванул чеку. Антон передёрнул затвор, прикладом шибанул встречавшего их мужика, тот завалился на стол. Антон полоснул короткой очередью поверх голов и заорал:

– Сидеть сучары! Дёрнитесь, завалю к хуям!

– Вы, чо, мужики, – косясь глазами на гранату с выдернутой чекой в руке Дмитрия, прохрипел доселе крутой дядька – я же пошутил!

– А мы нет. – Спокойно ответил Дмитрий, освобождая мужика от своих объятий. Он вставил чеку гранаты на место. – Следующая шутка будет последней, помни это.

– Слыхивал, что ваша командирша отмороженная, так она себе ещё таких же подбирает. Ладно, пошли, гляньте, как мы с врагами трудового народа разбираемся.

Врагами оказались все, кто жил в богатом районе. Впере-

ди по улице шла дюжины полторы разношёрстного сброда, вооружённых в основном охотничьим ружьями. Позади их медленно ехал грузовик, за ним держа дистанцию, вёл свой кабриолет Дмитрий. Рядом, с ним на переднем сидении при-
могнулся давешний шутник, который управлял идущей впе-
реди толпой со смартфона. На заднем сидении сидел Антон.

– Лёха! Слышишь меня? Видишь впереди справа витри-
ну? А ну пульни-ка туда гранату!

От толпы отделился человек побежал вперёд. Он открыл дверь небольшого магазина и тут же отбежал назад. Раздался взрыв, стёкла витрины разлетелись, осыпая улицу осколками. Послышались крики, из магазина повалил дым, несколько человек, устремилось внутрь. Хлопнул выстрел, через ми-
нуту двое вытащили окровавленное человеческое тело. К ним подъехал грузовик, тело закинули в кузов, и процессия двинулась дальше.

– Ну и зачем? – поинтересовался Антон, снимавший всё на смартфон

– Как зачем? – в изумлении обернулся к нему мужик. – Революция же!

Меж тем идущая впереди толпа подошла к первым особнякам, огороженными коваными железными заборами. Зацепив тросом за грузовик, с корнем вырвали ворота. Впереди по улице были видны фигурки убегающих людей, спешно выезжали автомобили, резко с разворота неслись прочь. По ним стреляли, но безуспешно. От группы отделились шесте-

ро человек, мимо выдранных ворот, направились к особняку справа. Бешено залаяла собака. Послышались выстрелы, визг, и лай прекратился. Зазвенели выбитые стёкла, через некоторое время раздались глухие хлопки выстрелов, звон разбитых стёкол. Было видно, как со второго этажа выкидывают вниз тела убитых, два взрослых, одно детское. Слева дом пустовал, его облили внутри бензином и подожгли для острастки. Откуда-то приволокли избитого мужчину в пижаме, со связанными назад руками. Недолго посоветовавшись, вздёрнули его на фонарном столбе. Тот, побрыкавшись, затих.

– Висит груша, нельзя скушать. А почему? Потому, что обосрался, – засмеялся над повешенным командир своры. Наблюдая, как в грузовик загружают трупы, выкинутые из окон, Дмитрий, не оборачиваясь, спросил у Антона:

– Ты всё снял?

– Да.

– Тогда поехали обратно, здесь нам больше делать нечего.

– Аль нагостились? – съехидничал мужик, вылезая из кабриолета. Да и то верно, все гниды разбежались.

Глава 7

Екатерину они отыскивали на площади, где она руководила постройкой виселицы, в аккурат напротив зала заседаний. Из окон, сквозь стёкла, за возведением этого страшного сооружения, наблюдало множество людей, Екатерина приветливо махала им рукой и улыбалась.

– Ну как съездили? – поинтересовалась она.

– Лютуют! – кратко ответил Дмитрий. – Антон на видео снял, глянь.

Антон протянул ей свой смартфон. Катерина молча посмотрела съёмку.

– Пора с этим кончать. Хватит крови. Пошли, Антон, покажем это видео заседающим, – она кивнула в сторону думы.

– Хватит крови, а виселицу ставите, как понять? – поинтересовался Антон

– А потому, мин херц Антоша, – Катерина ласково посмотрела на его, – что, поглядывая на сиё сооружение, вот эти господа за стёклами, которые на нас пялятся, лучше будут принимать решения, а главное, – правильное. Memento mori. Пусть помнят, что произошло с прошлой думой.

– А что с ней случилось?

– Вывели во двор и расстреляли к херам собачьим.

– Сурово. А как народ это воспринял?

– Народ? Это кто? Что есть народ? Девяносто процентов, которых сидят по норам и трусливо ждут, чем всё это закончится? Или малая часть, что пытается хоть что-то изменить? Может тот мизер, которого всё и так устраивает? Сперва определись, что для тебя народ.

Солнце, разогнавшее утренний туман, заволокло серыми, тучами, заморосил мерзкий холодный дождь. Пришлось надеть плащ и шляпу, оружие оставили в машине, в здание думы входить, с оружием было запрещено. На входе их про-

верили металлодетектором охранники. Один из них что-то шепнул на ухо Екатерине. Та в ответ кивнула. В коридоре к Екатерине подбежал посыльный, передал, что её ждут в зале заседаний. Покуда поднимались по мраморной лестнице, что вела в этот зал, к ним присоединилось с десяток людей. Коротко поздоровавшись, они шли вслед, так что организовалась небольшая процессия. Одному из подошедших Катерина протянула карту памяти с видео, что записал Антон. Человек стремительно убежал. Зайдя в зал, все разместились в гостевой ложе, а Екатерина проследовала к трибуне. Антон окинул взглядом, погружённый в полумрак зал. Половина кресел пустовало, присутствующие расположились группами, очевидно по фракциям, лица из-за плохого освещения плохо проглядывались. Увидев Екатерину, одна из групп захлопала в ладоши, приветствуя её, другая же напротив принялась свистеть.

– Граждане, прошу соблюдать тишину! – в микрофон проговорил председательствующий, пожилой седой мужчина, солидной внешности. Когда зал утих, он обратился к Екатерине:

– Скажите-ка нам уважаемая, что за цирк вы нам устроили под окнами? Здесь интересуются, зачем вы распорядились соорудить виселицу?

– Чтобы вы, уважаемые, принимая решения, не забывали о народе, который вас сюда выбрал, – в микрофон ответила Екатерина. – "Только ГИЛЬОТИНА под окнами правитель-

ства делает его другом народа". Это Дантон сказал. Гильотины не нашлось, так что извиняйте, обойдёмся виселицей.

– Надеюсь, вы помните, чем кончил Дантон. Не бойтесь сами, в этой петле повиснуть?

– А вы? Впрочем, я здесь не за этим. Мой человек снял видео, в восточном секторе, где идёт тотальное уничтожение населения. Зачем эти зверства?

Включите экран, пожалуйста.

На большом мониторе, висящем сбоку, показали, то, что утром снял Антон. Когда экран погас, Екатерина продолжила:

– Людей убивают без суда, походя. Взрывают магазины, жгут дома, убивают детей. Это цель революции? Грабить и убивать? Пусть командир этой шайки головорезов выйдет сюда и отчитается. Екатерина направилась к группе, где ей хлопали.

Из глубины зала, к трибуне стремительно приблизился невысокий человек. Заняв место на трибуне, он щёлкнул по микрофону, откашлялся.

– Вот тут дамочка пеняет, что, мол, мы без суда утилизируем людей. Вопрос, где же то она увидела людей? Тех крокопийц, присосавшихся к трудовому народу, жирующих за счёт его, плюющих на него, издевающихся над ним? Возомнивших себя господами, а нас быдлом бессловесным, годным лишь копать в говне? Построившим за нас счёт, для себя дворцы, а нас заставляющих подыхать от голода? Это

люди? Это зверьё, которое нужно безжалостно стереть с лица земли, вырвать с корнем и уничтожить. Либо мы их, либо они нас, другого не дано. А те, кто будет мешать нам, пойдут вслед за ними.

– Но позвольте, – поинтересовался председательствующий, – если вы всех уничтожите, то кто же хозяйством, управлять будет, тут же образованные, знающие люди нужны.

– Новый мир, новые люди придут.

– Домохозяйка будет управлять финансовой системой? Вы это серьёзно?

– Наше дело подготовить почву, на котором вырастут новые всходы. Вы что, гражданин, не верите в свой народ?

– Верю. Объявляю перерыв.

Присутствующие потянулись к выходу.

– Играем на опережение! Все готовы? Я беру на себя их главаря, займитесь остальными. Вы! – кивнула она Антону и Дмитрию, в сторону и не мешайтесь!

Екатерина, в сопровождении двух десятков своих сторонников быстро направилась к выходу из зала.

– Что за херня? – пропуская их, спросил Дмитрий Антона.

– Не знаю, но думаю сейчас что-то случится. Будь готов. – Через другие двери из зала заседаний в сопровождении дюжины людей вышел оппонент Катерины. Та, отделившись от своих, улыбаясь, в одиночку направилась навстречу. Оппонент приостановился, поджидая. Екатерина неторопливо по-

дошла к нему, что-то сказала, тот отрицательно покачал головой. Неожиданно Екатерина резко взмахнула рукой возле шеи главаря и стремительно отскочила в сторону. Тот схватился за горло, толпа сторонников Екатерины с рёвом бросилась на его сопровождающих. Замелькали ножи, заточки, послышались крики, стоны, через минуту всё было закончено. На лестнице в лужах крови корчились и умирали все сторонники нового мира, через утилизацию враждебного класса. Члены правительства, увидев эту бойню, в страхе вернулись в зал заседаний, снующие по коридору люди вдруг разом куда-то исчезли. Ошалевшие от неожиданности Антон с Дмитрием подбежали к Екатерине. Та спокойно вытирала носовым платком лезвие опасной бритвы, поглядывая на зарезанного ею человека. Тот уже не храпел, остекленевшие глаза неподвижно смотрели в потолок.

– Или ты, или тебя, вот так, мальчишки! – спокойно проговорила Катерина. Поехали, дел много. – Выйдя на крыльцо, она присела прямо на лестнице. Невдалеке лениво размахивал метлой парень лет двадцати из бывших мажоров, отправленных на перевоспитание.

– Молодой человек, подойди-ка сюда, – позвала его Екатерина

– Подгони мою машину к крыльцу, вон ту, красную, – протянула она ключи, опасливо подошедшему к ней бывшему мажору. – Ну а вы Антон и Дима, садитесь в свой тарантас и за мной следом.

– Что ты нам ничего не сказала? – с обидой в голосе спросил Дмитрий.

– Без вас справились. К тому же, а вдруг Антоша под раздачу попадёт? Он мне целый нужен. Я ещё с ним потрахаться хочу.

Прогрепевший взрыв, заставил их невольно пригнуться. В небо, клубясь, поднимался огненный гриб, со скрежетом, на асфальт падали железные обломки, зазвенела сигнализация на соседних машинах. Густо дымя, ярко полыхала покорёженная взрывом машина Катерины.

Глава 8

– Вот же сука! – то ли восхитилась, то ли возмутилась Екатерина. Подорвать меня удумали! Взрывчатку к зажиганию приделали. И когда успели?

В воздухе запахло сладковато-приторным запахом горелого мяса. Это обгорало то, что осталось от мажора во взорванной машине. Подкатила пожарная машина, и вскоре огонь залили пеной.

– Поехали отсюда, не могу этот запах переносить – поморщилась Екатерина.

– Человек вообще – то вместо тебя погиб, – заметил Антон.

– Туда ему и дорога – спокойно ответила Екатерина. – Поехали. Нужно добить этих гадёнышей, пока не очухались

Когда они подкатили на нескольких машинах к проходной в восточной зоне, то первое что разглядели, это лежащий

ничком труп на крыльце. Когда приблизились, то увидели, что в затылке трупа зияет большая круглая дыра. Перевернули труп на спину – грудная клетка его была разодрана так, что торчали рёбра. В самой будке, обнаружили ещё два трупа, точно с такими же повреждениями. Стены, пол, даже потолок были заляпаны кровью, стол, стулья перевернуты. На стенах следы от пуль, оружие валялось рядом с трупами. Видимо люди перед смертью пытались оказать сопротивление. Зайдя за ограду, внутрь увидели, что всюду лежат в разных позах, покорёженные трупы. Объединяло их одно, все они были одинаково изуродованы.

– Кто-то уже до нас сделал нашу работу, – произнесла Екатерина. – Причём исполнил её со зверским прилежанием. Нужно поискать свидетелей, может, кто что видел.

Люди разбрелись в поисках уцелевших. Антон направился к дому, подожжённому утром. Огонь уже погас, лишь дымилась головешки от провалившейся крыши. Тучи в небе рассеялись, жарко палило солнце. Вокруг трупов роились жирные мухи, воздух пах смертью. Антона подташнивало, он старался не смотреть на изуродованные тела. За развалинами дома, в густом кустарнике он увидел, что кто-то прячется. Скинув с плеча автомат, Антон передёрнул затвор и направил на притаившегося в кустах.

– Не стреляйте! – закричал человек, вылезая из кустов. Был он, не смотря на жару, бледен и дрожал. – Не стреляйте, не стреляйте! – лихорадочно повторял он, – я никого не

убивал, я без оружия.

– Видел, что тут произошло?

– Да! Это было ужасно!

– Пошли, расскажешь.

Антон подвёл его к Екатерине, сидящей в кабриолете. Вокруг собралась толпа. Человек был шофёром того самого грузовика, в который загружали трупы. Участвовал он не по своей воле, пригрозили в случае отказа уничтожить его и его семью. Когда всё произошло, шофёр сидел в кабине. Впереди машины стояло несколько человек, курили и о чём-то переговаривались. Услышал дикие вопли, выстрелы. Крики и то, что происходило, было настолько ужасно, что рассказчик, по его словам, обсосался. Оно возникало перед людьми, из неоткуда. Оно не имело чёткой формы, тёмная, клубящаяся масса вмиг охватывала жертве шею, чёрное вертящееся щупальце, словно сверло, впивалось в затылок, два отростка разрывали грудную клетку. И два огненно – кровавых огромных глаза, немигающе глядящее в лицо жертве. Мгновение и Оно, уже безжалостно набрасывалось на следующего человека. Люди в ужасе пытались убежать, стреляли, но всё было тщетно. Через пару минут вокруг валялись одни трупы. Шофёра словно парализовало, он не мог пошевелиться, когда нечто заглянуло к нему в кабину. Секунду оно всматривалось в его лицо своим огнедышащими глазами, потом исчезло. Следующее что запомнил рассказчик, как он, поскуливая, прячется в кустах. Екатерина молча, не перебивая вы-

слушала рассказ. В конце лишь один раз спросила:

– Ты точно никого не убивал?

– Нет, я бы в жизнь не смог.

– Хорошо, отпустите его. – Катерина оглядела присутствующих. – Дорогие мои граждане, все кто поддерживает меня. Я не знаю, что это. Опасаюсь, доберётся и до нас. Поэтому, все кто может, уезжайте из города, пока не разберёмся, что это за чудовище. Уезжайте и предупредите других. Добра вам!

На следующий день стали поступать сообщения, что в городе в разных местах находят развороченные трупы людей с вырванным сердцем и с дырой в черепе. Мозг в черепной коробке отсутствовал напрочь. В основном это были сторонники Екатерины, люди, активно участвовавшие в революции. Впрочем, революцией это было назвать трудно, так как народ в массе своей безучастно наблюдал со стороны. Он, конечно, поддержал и бесплатное образование, и бесплатное жильё, и национализацию предприятий. Поначалу даже походил на митинги в поддержку... Но, увидев, как, расправившись с богачами, революционеры принялись друг за друга, а потом появилось ОНО, энтузиазм у народа как-то быстро рассосался. К тому же людей стала поражать странная болезнь. К примеру, идёт гражданин и вдруг замер, не шевелится. Подойдёшь к нему, глаза открыты, а сам спит стоя. Окликнешь, вздрогнет, очухается, а сам не помнит ничего. Учёные называли этот феномен как усталость нации. Люди стали боят-

ся выходить на улицу. Через неделю, незаметно, в городском совете, погибших людей, заменили какие-то тёмные личности. Виселицу с площади убрали, новые постановления потихоньку начали менять на старые, во всех бедах обвиняли тех, кто свергал старые устои. Вокруг Екатерины сгущались тучи, тем более сторонники её или погибли, или по её совету покинули город.

Глава 9

– Факир был пьян, и фокус не удался. Сколько народу положили, всё впустую. Почему? – грустно произнесла Катерина. В последнее время она всё чаще впадала в уныние. Даже теперь, лёжа на кровати, после секса с Антоном, она не могла полностью отвлечься от тяжёлых дум.

– Народ вас не поддержал, не смогли достучаться до него, я так думаю – ответил ей Антон. Он лежал рядом, держа ладошку Катерины в своей.

– Народ? – презрительно фыркнула Екатерина – стадо баранов, которому нужен хороший пастух. Слышал про эффект Даннинга-Крюгера?

– Это когда долбоёб не может понять, что он долбоёб, оттого что он долбоёб?

– Умница! Долбоёб – это состояние души.

– Зря ты так, каждый человек это вселенная – подзадорил её Антон.

– Вселенная!?! – Екатерина повернулась на бок, подставив ладошку согнутой в локте руки под голову. – Какая на хер

вселенная? Жрёт, срёт, водку херачит, да баб трахает, – вот твоя вселенная!

– Так зачем же всё затевать, жизнь гробить, если народ так плох? Ты же знаешь, толпа, если что, с радостью потащит тебя на виселицу и вздёрнут, ликуя, как борца за народное счастье.

– Знаю, – задумчиво проговорила Екатерина, – хочется, чтобы... Что это, почему так холодно?

Антон тоже вдруг почувствовал пронизывающий насквозь холод. Всё тело его оцепенело, он не в силах был пошевелиться. Воздух в комнате задрожал, из неоткуда возникло чёрное облако. Извиваясь, оно обволокло обездвиженное тело Екатерины и подняло её в воздух под самый потолок. Облако разделилось на щупальца, они струились по голому телу Екатерины, казалось, лаская его. Один из отростков оформился в нечто напоминающее голову, и там вспыхнули два огромных огненных глаза. Они в упор смотрели на лицо Екатерины. Нечто покачивало и слегка разворачивало бездвижно лежащую на щупальцах Катерину. Антон увидел Катино лицо, глаза её были полузакрыты, а на чуть приоткрытых губах играла улыбка блаженства. Это продолжалось ещё какое-то время, затем нечто бережно уложило Екатерину на кровать и исчезло. В комнате стало опять тепло и Антон почувствовал, что может двигаться. Он осторожно потрогал руку Екатерины, по-прежнему неподвижно лежащую с улыбкой блаженства на лице. Рука была тёплой.

– Ты ведьма? – тихо спросил Антон.

Екатерина открыла глаза, повернула голову к Антону. – Нет, я не ведьма, я – революционерка. – Она сладко потянулась и бодро добавила: – Антоша, тебе пора линять отсюда с Димкой. Место подсказали. Тут для вас время вышло. Здесь рано или поздно руки в крови испачкаете. И тогда оно придёт за вами.

– Отчего же тебя не трогает?

– А ты не понял?

– Догадываюсь. А как же ты? А мы? Или всё, аллес?

– Я чуть попозже к вам присоединюсь. А насчёт нас, не надейся, котёнок, я тебя не брошу. Ты мой.

На новое место уходить нужно было через канализацию. Только там обнаруживалась граница перехода. Ранним утром они втроём стояли возле люка канализации, поёживаясь от утреннего тумана.

– Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал. – Дмитрий наклонился над люком. – Да, говнецом попахивает знатно. Ладно, Екатерина, с тобой не прощаюсь, надеюсь увидеться. Я полез, Антон, догоняй!

Антон крепко обнял Екатерину: " Я буду скучать! – шепнул он ей на ухо. – Я, то же. Жди!" – Катерина поцеловала Антона и оттолкнула от себя. – Да слазь ты уже, господи!

Они медленно брели по туннелю, освещая себе путь фонариками. Под ногами журчала сточная вода, тошнотворно пахло фекалиями. На сухих островках сидели крысы, они

приподнимались в свете фонарей на задние лапки и приносивались, шевеля усами. Кирпичные стены и потолок были покрыты зеленоватой слизью, с потолка капало.

– Как хорошо, что мы надели резиновые сапоги, – рассуждал впереди идущий Дмитрий. – Фонарики то же в тему. А то бы тыкались как крысы в стены. А ещё скажу тебе друг твой Антоха, что выпал тебе джокер. Катерина такая женщина, прямо слов нет! И почему ты, почему не я? Чем я хуже? Не успела тебя увидеть, так сразу к себе... Разве поймёшь баб этих?

Антон молча брёл сзади, на душе после расставания с Екатериной было мутно. Она подобно урагану ворвалась в его жизнь, привязала к себе, и без неё сделалось пусто и тоскливо. "Ведьма, точно ведьма" – раздумывал он, вспоминая, как бережно обращалось с нею тёмное чудовище. Другим же оно грудь разламывало, и сердце выдирало живую. А ведь она то же убивала.

Впереди забрезжил свет. Чем ближе они подходили, тем ярче он становился.

– Кажется, пришли. – Дмитрий поправил рюкзак, закинул за спину автомат. – Ну, Антоха, рванём, где наша не пропадала! Твоя Катя говорила, что здесь клёво. Встретимся! – Дмитрий шагнул за светящую полосу и исчез. Вздохнув Антон шагнул вслед, его несильно ударило током. Сделав ещё шаг, он оглянулся, стена из света исчезла, пропал и сам тоннель сзади. Рюкзак и автомат были на месте, фонарик всё так

же светил. Антон осмотрелся. Пятно света от фонаря высветило слева от него вмонтированную в стену железную лестницу, которая уходила вверх к закрытому крышкой люку. То, что надо, блуждание по канализации и вонь от фекалий, порядком поднадоели. Крышка люка была тяжёлой, Антон с трудом отодвинул её, по грудь вылез наружу и остановился передыхая. Когда глаза привыкли после темноты к дневному свету, Антон увидел перед своим лицом острую мордочку ёжика.

– Я дико извиняюсь – сказал ёжик, шевеля своим носиком, – вы случаем лошадку не видели? В пальтишке таком, сереньком?

– Ты что ёжик, какая лошадь? Не видишь, что ли, что я только из говна выбирался? – возмутился Антон. – Какие в канализации к чёрту лошади?

– Да, да, извините – тихо произнёс ёжик и проворно засеменил прочь.

– "Шмыгают тут всякие, потеряшки, отвлекают" – недовольно подумал Антон.

Глава 10

Он вылез из люка канализации, огляделся. Вокруг росли поросшие жухлой травой тополя, недалеко полуразрушенная беседка, далее заржавевшая карусель, с облезшими лошадками. Очевидно, он попал в заброшенный парк. Людей нигде не наблюдалось, было тепло и тихо. Антон отряхнулся, поправил на голове шляпу и неторопливо направился к бе-

сидке. Нужно было припрятать автомат с рюкзаком. Низ беседки был обит деревянными рейками, окрашенными в голубой цвет. Краска местами покорёжилась, осыпалась, края досок подгнили, и Антону не стоило труда отодрать пару из них. В образовавшуюся дыру он запихал автомат. Резиновые сапоги пошли следом. Вместо них он надел вытащенные из рюкзака туфли. Засунув в дыру рюкзак, он приладил доски на место. Всё, можно идти в разведку. На улице сделалось совсем жарко, Антон засунул пистолет в карман кожаного плаща, сам плащ повесил себе на согнутую в локте руку, поправил на голове шляпу, зачем-то оттянул и хлопнул резинкой подтяжки себя по животу. "Нормальный чел" – подумал он про себя, – "А главное вроде как живой". Возле беседки пролежала дорожка, выложенная брусчаткой, она заросла травой и еле проглядывалась. Антон решил пойти по ней, авось куда-нибудь да выведет. Брусчатка привела его к большим ржавым воротам, закрытыми на амбарный замок. Сбоку ворот калитка, когда Антон толкнул её, она со скрипом отворилась. Антон очутился на улице. Вдоль булыжной мостовой укрывались за липами, старинные двухэтажные купеческие дома, окрашенные жёлтым цветом. Улица была безлюдна и уходила в гору, и Антон, подумав, решил идти туда, полагая, что на горе, всегда находится какая ни то площадь. Он перешёл улицу, чтобы прятаться в тени старых лип и зашагал, разглядывая окружающую территорию. Улица была по-прежнему пустынна, парк, куда он попал, на другой сто-

роне сменился такими же двухэтажными домами. Наверху, как он и предполагал, находилась площадь, заставленная по периметру столиками под зонтиками от солнца. Кое-где за столиками расположились люди. За одним из столов, он увидел Дмитрия. Тот сидел, развалившись, и потягивал из банки пиво. Он то же заметил Антона и помахал ему рукой.

– Присаживайся – подталкивая ногой, пластмассовый стул Антону, – предложил он. – Пива хочешь? Как добрался?

– Да нормально, – Антон присел, взял протянутую ему банку пива, отхлебнул. – Холодное, самое то, – одобрил он. – Давно тут? Как обстановка?

– С утра тебя поджидаю. Обстановка охеренная. Всё бесплатно, всё на халяву, даже не верится. Документы не спрашивают. Заселится в гостинице без проблем! Единственное условие, нужно сдать кровь на анализы, да ещё сфотографироваться. Жратва бесплатно, выпивка то же. Ещё одно – мерку с тебя снимают.

– Чтобы гроб по размеру заказать?

– Нет, чудила, – засмеялся Дмитрий. Каждому прибывшему выдают комплект костюмов для вечерних карнавалов, каждые два дня новые. Это тоже один из обязательных пунктов.

– Про бесплатный сыр в мышеловке Димон, слышал?

– В курсе. Катерина проявится, она разберётся. Расслабься покуда. Сиди, я ещё за пивом сгоняю.

Антон снял шляпу, окинул взглядом площадь. В центре

площади возвышался памятник. Мужчина в треуголке, в парике с косичкой, в ботфортах, одной рукой опирался на шпагу, другая рука приложена ладонью, козырьком, ко лбу, взгляд устремлён куда-то вдаль. По всей площади на столбах были протянуты разноцветные гирлянды, цветные флажки, волшебные фонари. Ласковый ветерок шевелил свешивающиеся повсюду цветастые змейки серпантина.

Вернулся Дмитрий с двумя банками пива.

– Пей пиво и пошли тебя оформлять в гостиницу. Нужно поспеть, покуда фиеста.

Оформление и вправду прошло на удивление легко. Лаборатория для сдачи крови находилась на первом этаже гостиницы, там же и моментальная фотография. В другой комнате сняли мерки и обещали доставить костюмы в номер. Номера находились на втором этаже. Прежде чем выдать ключ, спросили, понадобится ли двуспальная кровать? Антон кивнул утвердительно, сказав, что ожидает прибытия спутницы жизни. Консьержка, миловидная девушка, вручила ключи, проводила до двери. Дмитрий, провожая её взглядом, обмолвился:

– Ну, ты обустраивайся, а я пойду, попробую поближе к этой красавицей познакомиться. Если что, моя дверь, напротив.

Обстановка в номере состояла из двуспальной кровати, тумбочек по обе стороны с настольными лампами, в углу столик, пара стульев, шкаф с зеркалом, небольшой холодильник.

ник. Окно выходило на площадь. Отдельно находился санузел и душ. Телевизор на стене. Пойдёт. В дверь постучали. Прислуга внесла костюм на сегодняшний вечер и буклет расписания карнавалов на неделю. Сегодня по расписанию 20 – 30 годы прошлого столетия, то есть строгий серый костюм в полосочку, белая сорочка и шляпа. А ещё бабочка. Всё поглажено в идеальном состоянии. Чаевые взяли. Перед уходом Катерина снабдила обоих внушительной суммой денег. Как она, всё ли с ней в порядке? Обнаружив в шкафу белые халаты, полотенца, Антон принял душ. Всяческие гели, шампуни, одноразовые бритвы, лосьоны, – всё присутствовало, сказка, да и только. В чём же фишка? С этим предстояло разобраться и поскорее. В халяву Антон не верил. Он прилёг на кровать, пощёлкал пультом. По телевизору везде показывали или рекламу, либо какие-то мыльные оперы. Хрень.

– Антоха, отворяй! Жрать несут! – раздался за дверью голос Дмитрия.

Он принёс два стандартных обеда в ластиковых упаковках и несколько банок пива.

– Это перекус, – заявил он, – Пировать вечером будем.

– Ну как, познакомился?

– Да, но вот беда, смысла говорит, не вижу, потому что через неделю приезжие куда-то исчезают. Толи работу за городом находят, толи ещё что, но в городе их больше никто не видит. Причём это и мужчин, и женщин касается.

– Значит у нас на всё про всё неделя максимум?

– Выходит так. Что Катерина, когда здесь появится? Не боишься за неё?

– Она под защитой. – Антон вкратце рассказал их встречу с чудовищем.

– Вот не хера себе! Слушай Антоха, пожалуй, и слава тебе господи, что она тебя, а не меня выбрала!

– Ты Димон не вздумай ей сболтнуть, что я тебе поведал!

– Не, я что дурак, что ли! Ну, Катерина! Не зря её, побаиваюсь...

– Что это за лабуда с карнавалами? Вечный праздник? Кто всё это спонсирует?

– Не знаю, Антон. Говорят, какая-то корпорация, да всем по хер! Есть халява, и хорошо! Пойду к себе в номер, поваляюсь до вечера.

Глава 11

Не успел уйти Дмитрий, как в комнату ворвалась Катерина. Прямо с порога взвизгнув, повисла на шее Антона.

– Я соскучилась, а ты? – заглядывая в глаза Антону, между поцелуями, спросила она. Уловив взгляд Антона, удовлетворённо вздохнула, на секунду крепко прижалась, потом опустилась на пол.

– В душ, бегом в душ, – на ходу сбрасывая с себя одежду – скомандовала она себе. – Надеюсь, горячая вода есть?

Пока она плескалась, ей принесли карнавальную одежду. Антон выглянул в окно. На площади потихоньку собирался

народ. Подкатила машина с импровизированной площадкой на колёсах. Отцепив её в центре площади, машина уехала. Солнце неторопливо клонилось к закату.

– Ты давно здесь? – спросила Катерина. Накинув халатик, она вытирала волосы полотенцем.

– Да нет, где-то с полдня.

– Странно. У нас там уже пять дней миновало, как вы ушли.

– Ну и как там дела?

– Полная жопа. Народ спит на ходу, все ключевые посты в городском собрании заняли мрази, законы откатили назад. Моих людей там практически не осталось. Самой пришлось уходить с подругой, огородами.

– А чудовище?

– Затихло. Хватит об этом. Отдыхаем по полной. Хотя бы несколько дней, а дальше посмотрим. – Тут она увидела разложенные на кровати, принесённые ей вещи. – Это мне? Ажурненько! Примерим! Дмитрий себе ещё подругу не завёл? Ничего! Я ему притаранила, надеюсь понравится, Юлей звать. Позови-ка его.

Дмитрий был рад появлению Катерины. Ещё больше его обрадовало, что здесь Юля. Оказывается, он знал её, даже хотел подкатить к ней, но не успел.

– Мальчики, быстро одевайтесь, занимайте столик, заказывайте всё самое дорогое, и ожидайте нас. Да, бесплатную жрачку не берите, есть сведения, туда что-то подмешивают.

Костюмы пришлись впору обоим, серая в полоску тройка, дополняла шляпа в тон костюму, на Антоне, чёрный строгий костюм на Дмитриии.

– Комильфо – заценила Катерина.

Они заняли столик недалеко от сцены, доплатив за это. Заказали какого-то дорогого вина. Возле площадки расположились музыканты из местного джаз-бэнда. Понастроив свой инструмент, заиграли лёгкую джазовую музыку. Столики вокруг постепенно заполнялись людьми. Мужчины разного возраста, все в костюмах и в шляпах. Женщины, одетые в стиле 20 годов, с повязками и обручами на волосах, со вставлены в них перьями, дымили сигаретами на длинных мундштуках, Дмитрий заметил:

– Собрание команчей, сейчас бабы томагавки достанут.

– Не достанут, видишь, они трубки мира курят – возразил Антон. Что мне нравится, особенно, это мужики все в шляпах. Давно ждал, когда же эта мода вернётся.

– Кто бы против... Кажется индейцы из нашего племени, на подходе, или индейки? Как правильно?

– Скво, кажется, пошли, встретим, костюм обязывает.

Девушки были отпад. Юля, одинакового роста с Екатериной, такая же стройная, но блондинка, одетая в короткое блестящее платье, с бахромой внизу, на тоненьких бретельках сверху. Блестящая повязка с белым пером украшала светлые коротко постриженные волосы, в стиле Гэтсби. Так же была одета и Катерина с той лишь разницей, что во всё чёрное.

Стройные ноги обоих в чёрных ажурных чулках.

– Гангстерский стиль? – поинтересовался Антон, усаживая Катерину

– Типа того. Всё ты знаешь. Откуда?

– Чёрт его знает, всплывает в мозгах.

Через четверть часа, опорожнив одну бутылку и принявшись за вторую, компания уже вела непринуждённую беседу. Юля оказалась девушкой общительной, весёлой, ухаживания Дмитрия приняла благосклонно. Стемнело. В небо выползла луна. Зажглись гирлянды на столбах. В громкоговоритель объявили конкурс на исполнение танцев. Катерина с Юлей переглянулись.

– Пошли?

– Пошли! Болейте за нас!

Они легко вспорхнули на сцену, заиграла музыка и под одобрителный рёв, исполнили чарльстон. Оттанцевали классно, движения были настолько синхронны и слажены, что публика не раз одобрительно аплодировала.

– Гляди Антоха, наши то, что вытворяют! – восторженно прокричал Дмитрий, вскочив с места и хлопая в ладоши – Ай, молодцы!

В итоге заняли первое место – огромную бутылку марочного вина.

– Как хорошо, не убийств, ни крови – тихо проговорила Катерина, когда они с Антоном танцевали медленный танец.

– Хорошо, – согласился Антон, – вот только через неделю

приезжие куда- то исчезают.

В чёрном ночном небе вспыхнули разноцветные огни фейерверка. Все направились к набережной, к реке. Фейерверк запускали с баржи, стоящей посередине реки, было очень красиво. Потом направились в парк, в тот самый, где Антон вылез из канализации. Там к ним прицепились несколько гопников с ножами и битами требуя денег. Так как у всех были пистолеты, гопников перестреляли, сбросив трупы в канализацию. После хотели потрахаться на природе, но все уединённые места были заняты другими парами. Гуляли и веселились до рассвета на площади. Весь следующий день валялись на кровати, занимались любовью, да смотрели по телику фильмы. Вечером карнавал продолжился. После фейерверка все направились к набережной, к реке. Фейерверк запускали с баржи, стоящей посередине реки, было очень красиво. Потом направились в парк, в тот самый, где Антон вылез из канализации. Там к ним опять прицепились несколько гопников, с ножами и битами, требуя денег. Так как у всех были пистолеты, гопников перестреляли, сбросив трупы в канализацию. Антона посетило ощущение дежавю, остальных тоже. Гуляли и веселились до рассвета. На третий день уже ничего не хотелось. Решили просто побродить по городу, заодно разузнать, как живут аборигены, и куда же деваются приезжие. Катерина с Антоном захотели посетить дом знаний, как им посоветовал один из местных жителей. Дмитрий с Юлией пошли покататься на речном трамвайчи-

ке. Дом знаний произвёл на Антона сильное впечатление. На фоне старых двухэтажных купеческих домов 7-этажная машина из стекла и бетона, построенная в форме паруса, выглядела потрясающе. Вход был совершенно бесплатный. Современный дизайн внутри здания, приветливый персонал, кругом мониторы, кондиционеры, стеклянные кабины лифтов, эскалаторы, всюду зелень. Огромная библиотека вместе с читальными залами занимала третий и четвёртый этажи. Наряду с бумажными изданиями имелся громадный выбор электронных книг. Верхние этажи занимали самые различные кружки и клубы по интересам, картинные галереи. Короче было всё, чтобы утолить жажду познания, всё для личного самосовершенствования. Но не было людей, вернее были, но очень мало. Спросили у пожилой библиотекарши, много ли за день бывает посетителей? Поначалу, когда открылись, народ валил толпами, но спустя некоторое время, поток иссяк, остались единицы.

– Ты кажется, к этому стремилась? – покинув дом, спросил Антон. – Заботиться об хлебе насущном не надо, накормят, жильё дадут. Живи, развивайся, созидай! А что в итоге? Дом знаний пустует, зато на карнавалах народу полно. Пьют, веселятся, как могут, да трахаются под каждым кустом. Засада. Пошли, нажрёмся. Пока возвращались, заметили небольшую толпу перед колокольной.

Оказалось, очередной самоубивец – решил свести счёты с жизнью. Колокольня, как самое высокое здание, оказывает-

ся, была любимым местом для самоубийц. В толпе заключали пари, прыгнет, – не прыгнет? Мужик, лет сорока, наверное, пьяный, оступился на карнизе и полетел вниз. Шмяк! Лужа крови на асфальте, не красиво и не интересно. Толпа разочарованно разбрелась кто куда. Вечером нажрались. Утром четвёртого дня Антон проснулся с неясным чувством тревоги и с ощущением, что за ним наблюдают, и этот кто-то совсем недобрый. Он открыл глаза, пытаясь уяснить, что же вызвало это чувство. Рядом безмятежно посапывала Катерина, солнечный свет просачивался через неплотно закрытые занавески, в его лучах плавали мельчайшие пылинки. Размеренно тикали большие круглые часы на стене, показывая четверть десятого. После вчерашних возлияний хотелось пить. Всё мирно и спокойно, вероятно ночью приснился кошмар, который не запомнился, но ощущение от него осталось. Антон решил встать и прогуляться в одиночку. Стараясь не разбудить Катерину, он тихонько поднялся, сходил в туалет, умылся, оделся. Уже выходя, он увидел, как Катерина подняла голову:

– Ты куда?

– Пойду, проветрюсь.

– Вкусненького чего-нибудь, купи, и попить... – Катерина опять уронила голову на подушку.

Сегодня по программе карнавала был день Гекаты, царицы мёртвых. Поэтому на улице продавались различные маски смерти, саваны, костюмы скелетов, наряды ведьм, чере-

па и прочую ерунду. За столиками кое- где сидели любители бесплатного пива, которое подавалось в кружках в виде черепов. Заказав себе такую кружку, Антон подошёл к бородавотому мужику лет сорока, который, откинувшись назад на спинку стула, пережегал глоток пива, затяжкой толстой сигары. Лицо его прикрывала надвинутая на лоб широкополая шляпа.

– Можно присесть?

– Валяй, – последовал ответ из-под шляпы.

– Я приезжий, давно у вас карнавал длится?

Мужик сел прямо, внимательно посмотрел на Антона.

– Давно у нас?

– Третий день.

– Тогда у тебя ещё пару дней. Я бы на твоём месте уби-
рался отсюда.

– Почему?

– Все, пришлые через несколько дней куда-то исчезают, и больше не появляются. Ты хочешь исчезнуть неизвестно куда?

– Нет.

– Тогда подумай. А праздник, уже почти месяц длится, надоел уже всем, говорят, на этой неделе закончится.

– Кто его устроил, и за чей счёт?

– Никто толком не знает. Но кто-то безумно богатый. Местные то же участвуют в мероприятии, как же. На халяву и уксус сладкий. Вот только, если приезжие испаряются, то

местные становятся другими.

– Как другими?

– Не знаю, но другими, изнутри, что ли меняются, кто как. Кто вдруг читать начинает, хотя раньше букварь только на закрутку табака использовал. Которые в религию ударяются, ну а кто и жизнь самоубийством кончает. В крайности бросаются, вот что.

– Все, или кто живёт на халяву?

– Халявщики.

Послышалась барабанная дробь, звуки флейты. Из боковой улицы на площадь медленно вкатился чёрный катафалк с гробом. Его сопровождала группа барабанщиков и флейтисты, играющие британский марш гренадеров. В гробу сидел напудренный господин в военной форме и дирижировал музыкантам. Когда процессия поравнялась с памятником, человек в гробу зычно рявкнул по-английски. Процессия остановилась, сидящий в гробу повернул голову к памятнику и отдал честь. После опять пролаял команду, и процессия под грохот барабанов и звук флейты тронулась дальше.

– Что это было? – поинтересовался Антон.

– Не обращай внимания – засмеявшись, ответил собеседник. – Это местный долбоящер. Который год себя хоронит, грозитя застрелиться, но всё никак. Как дойдут до кладбища, глянет на свою вырытую могилу, так на попятную. Вредный мужичонка, англичанин, такой же пакостливый, как его страна.

– Кладбище далеко отсюда? Хочу вслед сходить.

– Близко, прямо за поворотом. Старое, там уже не хоронят, просто этот хрыч давно себе место выкупил. Удачи, хоть может в этом году разродится, и пулю в лобэшник пустит.

Кладбище и впрямь находилось недалеко, почти сразу за площадью. Огороженное железной оградой, с разросшимися вековыми деревьями, оно больше походило на парк. Антон зашёл через ворота и неторопливо зашагал по вымощенной дорожке, петляющей среди надгробий и склепов по направлению к тому месту, откуда раздавалась барабанная дробь. Возле одной могилы Антон остановился, пытаясь прочесть надпись на могильной плите. Его заинтересовала скульптура, возвышающаяся на постаменте. Это была мраморная девушка, её прекрасное лицо изображало усталость и печаль. Мраморная голова опущена вниз, руки прижаты к груди, а крылья на спине безвольно свисали вниз. Сзади послышался шорох, Антон оглянулся.

К нему приближалась смерть, с косой в руках и сигаретой в зубах. – Мужик, огоньку не найдётся? – Антон молча протянул зажигалку. Смерть неторопливо подкурила. Огонёк зажигалки сверкал по её черепу, выглядывающему из сползавшего чёрного капюшона

– Спасибо, – протянула она зажигалку обратно костлявой рукой.

– Оставь себе, я не курю.

Смерть глубоко затаилась, внимательно посмотрела чёр-

ными глазницами на Антона.

– А ты приглашение на свои похороны не хочешь разослать?

– Нет...

– А почему?

– Так я вроде не собираюсь пока... того.

– Рассылай! Не тяни! А в остальном я тебе посодействую.

Ладно, это шутка. За зажигалку спасибо. Обращайся, если что. Пойду, помогу англичанину, а то его баловство затянулось – взяв косу как ружьё на плечо, костлявая удалилась прочь, напевая себе под нос какую-то песенку. Антон проводил её взглядом. Станный город, странные обитатели. Взгляд его соскользнул на надгробную плиту. Надпись была сколота, сохранилось лишь обрывок имени и фамилия:

– ЭЗИ ГРАНТ – прочитал он вслух. Лёгкий ветерок прошумел в листве деревьев. Вдали щёлкнул пистолетный выстрел.

– Отбегались, аминь. – Почему-то подумалось Антону. Когда он подошёл к процессии, могилу уже засыпали землёй, гроба на катафалке не было. С запада на город надвигалась тяжёлая лиловая туча, непрерывно сверкали молнии, доносились глухие раскаты грома. Нужно было торопиться добраться до гостиницы. Стремительно стемнело. Когда он бежал по улице от кладбища, навстречу ему попался школьный автобус. Что-то заставило его остановиться и посмотреть на сидящих внутри. Вспышки молний высветили прильнувшие

к стёклам лица, глядящие на него. Это были Дмитрий, Юля, Катя, и он сам – Антон.

Глава 12

Ошалевший от увиденного, подгоняемый хлынувшими потоками дождя, Антон стремглав домчался до гостиницы. Бегом взлетел на второй этаж, распахнул дверь в свой номер – Катерина была на месте. Она в халатике сидела на кровати и расчёсывала волосы. Увидев замершего на пороге Антона, с которого на пол стекала вода, она залилась звонким смехом.

– Чучело огородное, откуда ты?

– Димка с Юлей где?

– У себя, где ещё? Юлька минут пять, как заглядывала.

А что?

– погоди, сполоснусь и переоденусь. Позови ребят, есть информация.

Рассказ Антона об увиденных им двойниках Дмитрий с Юлей восприняли с недоверием, особенно когда он поведал о том, как самоубийца руководил своим похоронами, как смерть просила его подкурить.

– Антоха, ты пива на халяву, наверное, лишка выпил, вот тебе и померещилось. Катерина предупреждала же, что в бесплатное пойло, подмешивают всякую дрянь.

Однако Катерина не поделила их мнения.

– Что-то подобное я жду давно – задумчиво проговорила она. Кроме того, её почему-то заинтересовала могила де-

вушки.

– Покажешь мне её? – попросила она Антона.

– Как скажешь, сходим.

– Оружие у всех, надеюсь есть? Держите его наготове.

Пистолеты были у всех

– Что-то серьёзное? Может пора за автоматами в нашем схроне сгонять? – поинтересовалась Алина.

– Пока не надо. Пока только предчувствие, но оно меня ещё не подводило.

Дождь тем временем закончился, выглянуло солнце и сразу сделалось светло и душно.

– Ну что, продолжаем отдыхать? – спросила Катерина. – Мы же сюда появились деградировать?

– Я, за. Но с бомбами за пазухой – согласился Дмитрий.

– Так улыбаемся, завтра будет хуже – резюмировала Алина.

– Уже уходите?.. А что так медленно? – спросил Антон.

– Нас уже здесь не стояло. Заходите в гости, не дай бог.

По дороге на кладбище Катерина купила два букета цветов. Один положила возле памятника на площади.

– Интересно, куда устремил свой взор этот каменный дядька? Поинтересовалась она.

– Я пытался разглядеть из окна гостиницы, ничего там кроме болота не высмотрел. – Ответил ей Антон. – Пошли на кладбище, что-то жарко становится, да и шумно тут.

Действительно, площадь заполнили невесть откуда по-

явившиеся группы детей. Все они были наряжены в разные страшные костюмы вампиров, колдунов, скелетов и прочей нечисти. Все они кричали, визжали, бегали по площади.

– Из садиков, наверное, привели их в честь праздника! – предположил Антон.

– Ага. Станный город, странные люди. Станные праздники.

На кладбище было тихо и покойно. Мягко шелестела листва на деревьях, весело прыгали солнечные зайчики на могильных склепах. Антон без труда нашёл нужную могилу. Статуя девушки словно купалась в солнечном свете.

Катерина обошла вокруг могилы внимательно разглядывая статую.

– Ну что же, примерно так я и представляла, – вздохнув, тихо произнесла она и положила букет цветов к подножью памятника.

– Покойтесь с миром наши светлые мечты.

– Аминь! Ты и вправду думаешь, что здесь, в этой жопе мира, покоится Фрэзи Грант? Бегущая по болоту, в резиновых сапогах, вот кто тут может лежать – с насмешкой заметил Антон.

– Может и так, но я не за этим сюда пришла. – Екатерина наклонилась над постаментом, обхватила ладонью один из каменных цветков, что украшали его, повернула цветок. Цветок сдвинулся, за ним оказалось углубление. Екатерина засунула туда руку и вытащила свёрнутый в трубочку, пере-

хваченный резинкой, лист бумаги. Развернув его и пробежав по нему глазами, удовлетворённо произнесла: – То, что надо!

– Что там? – спросил Антон.

– Указано место, куда увозят исчезнувших приезжих и местных жителей. Сюда кстати, на кладбище. Здесь в одном из склепов находится вход. Код от двери имеется.

– Откуда сведения?

– От моих людей, которые то же здесь исчезли.

– Что будем делать?

– Проникнем в этот гадюшник и уничтожим. Сегодня же ночью. Давай прогуляемся, разведаем подходы.

Склеп находился в дальнем конце кладбища, рядом с центральной аллеей и не отличался от подобных, разве что внимательным взглядом можно было рассмотреть едва приметную тропинку, ведущую к нему.

Антон с Катериной под ручку неторопливо прогуливались по центральной аллее, то и дело мимолётно поглядывая по сторонам. Дойдя до конца аллеи, постояли с минуту и повернули назад.

– Что увидел? – Тихо спросила Екатерина.

– На столбе рядом со склепом видеочамера.

– Хорошо. А ещё две на деревьях сбоку. Видишь?

Антон бросил мимолётный взгляд на деревья.

– Теперь заметил. Ну, ты и глазастая!

– Да, и не только.

– Ты супер! Горжусь тобой!

– Вот это правильно. Пошли отсюда, впереди много дел.

В заброшенном парке, куда направился Антон, чтобы забрать припрятанный им автомат с рюкзаком, он почувствовал, что за ним следят.

– Катя, за мной слежка, кажется, меня обложили в парке, нужна помощь – позвонил он Екатерине.

– Постарайся продержаться, мы выдвигаемся.

– Жду.

Антон рывком добежал до схрона, лихорадочно, отодрал доски. Автомат был на месте. "А вот хрен вы меня так просто возьмёте" – подумал он, вставляя рожок в автомат. Он залёг за ближайшим стволом, готовый принять бой. Антон увидел, как по алее, в направлении к нему, едет чёрный катафалк. За катафалком передвигались люди в противогазах. Антон прицелился и дал короткую очередь в сторону катафалка, тот остановился, люди в противогазах попрятались за деревьями. Ещё он услышал хлопки, место, где он залёг, заволокло дымкой, Антон потерял сознание.

Глава 13

Он очнулся оттого, что кто-то больно хлопал его по щекам. С трудом открыв глаза, Антон увидел склонившееся над ним немолодого человека в толстых больших очках и белом халате. В руке тот держал пустой шприц.

– Очухался? – слегка скрипучим голосом проговорил тот, – вот и молодец!

Антон хотел встать, но почувствовал, что руки и ноги его

привязаны к закреплённому к полу стулу.

– Сиди спокойно, не дёргайся, как самочувствие?

Антон облизнул пересохшие губы, страшно болела голова.

– Пить хочу, дайте воды, и голова трещит.

– Ну, это нормальная реакция на газ. – Пожилой человек, похожий на старого доброго доктора, налил стакан воды, бросил туда таблетку, та зашипела, растворяясь, оставляя в воде пузырьки. Дождавшись, когда таблетка растворится полностью, он поднёс стакан к губам Антона

– Пей, должно полегчать.

Антон с жадностью выпил воду, спустя пару минут, боль в голове стала утихать.

– Что со мной будет? – спросил Антон

Неизвестный рассмеялся.

– Молодец! Сразу быка за рога. Посмотри налево, что на дверях написано? Антон повернул голову, там были две двери. На одной из них крупными буквами светилась надпись: – "РАЗДЕЛОЧНАЯ", другую украшала табличка – "УТИЛИЗАЦИЯ".

– Прочитал? Нравится? – весело спросил старый добрый доктор.

– Не очень, – честно ответил Антон.

– А что так? В разделочной из тебя извлекут твои органы, печень, сердце, почки, – ну и прочие полезности для пересадки больным особям. Ты должен гордиться, если попадёшь

туда, ведь, сколько людей обретут здоровье, благодаря твоим органам. Хоть такой толк от тебя будет.

– Всё так печально, для меня? Нет альтернативы? – Антон пошевелил руками, поёрзал на стуле. Крепко связали сволочи, одна надежда на друзей. Надо тянуть время. – Может, ещё на что сгожусь?

Человек задумчиво посмотрел на Антона, потом спросил:

– Ты вспомнил, что с тобой было раньше?

– Нет, может вы мне скажете?

– Скажу, почему бы и нет? Раньше с тобой не было ничего. Ты не человек, ты клон, созданный в наших лабораториях. Это и твоих друзей касается. Впрочем, может это не так. Возможно, у вас стёрли всю прошлую память. Тогда вы ничем не отличаетесь от клонов. Человек, не помнящий своего прошлого, не знает, как поступать в будущем. Это кстати и целых народов касается. Не зря каждый новый правитель переписывает под себя историю. Людям создают ложное представление о прошлом, чтобы легче управлять им в настоящем, и задать нужное направление на будущее.

– Я видел себя и своих друзей в школьном автобусе, это клоны?

– Может да, а может, нет, какая тебе разница?

– Не хотелось бы быть запрограммированным инкубаторским цыплёнком.

– А разве род людской не программируют с самого рождения? Через окружение, через телевизор, интернет, садик,

школу? Разве не вдалбливают стереотипы, что ты должен иметь квартиру, машину, дачу, – и всё это лучше, чем у соседа, чтобы тот сдох от зависти, собака? Люди жизнь на это кладут. Но хоть их понять можно, они стремятся к чему то, у них есть цель.

– Это же естественная потребность, обеспечить себя и свою семью достойной комфортной жизнью, разве не так?

– Всё так. Но дело вот в чём. В этом городе мы обеспечили всё население бесплатным жильём, бесплатным питанием, то есть обеспечили всем необходимыми базовыми потребностями. Хочешь шиковать, – ради бога, обеспечим работой. Хочешь духовно развиваться, бесплатно учишься в учебных заведениях, ходи в дом знаний. И что же мы имеем? Лишь малая часть изъявила желание работать, и только единицы, захотели учиться и повышать свой духовный и интеллектуальный уровень. Остальные довольствуются тем, что есть, и не стремятся изменить что-либо.

– И чем же вы здесь занимаетесь?

– Пытаемся создать новую породу людей, без которых у человечества нет будущего. Экспериментируем с человеческим геномом, с памятью, мышлением. Создаём клоны, в основном для опытов, хотя человеческой биомассы и без того достаточно.

– Как я понял, приезжие как раз и идут на эксперименты?

– Да, на них испытываем новейшие лекарства, проводим опыты на мозгах, ну и на органы. Остатки в утилизацию.

Рядом прогремел, врыв, завывла сирена, замигали красные аварийные лампочки. Дверь "УТИЛИЗАЦИЯ" распахнулась и в комнату вместе с порохowymi газами ворвалась Екатерина с ручным пулемётом в руках и автоматом за спиной. Издав горловой рык, она полоснула очередь по человеку, напоминавшему старого доброго доктора, того отбросило к стене, и он сполз вниз, оставляя на белой поверхности кровавый след.

– Котёнок, ты жив? – спросила она, подбегая к Антону, – сейчас я тебя освобожу.

Отбросив пулемёт, она вытащила из кармана складную опасную бритву и вмиг разрежала верёвки, связывающие Антона.

– В комнату забежали Дмитрий и Юлия, с автоматами в руках.

– Как он?

– Нормально, шевелится. Держите периметр. Дмитрий и Юлия исчезли за дверями разделочной.

Антон поднялся со стула, растирая затёкшие руки

– Представляешь, для этих сук мы биомасса – со злостью пожаловался он Екатерине.

– Знаю, родной, я в курсе. – Она подошла к убитому, повернула того на живот. После чего располозовав халат на его шею, сделала глубокий надрез бритвой возле позвоночника.

– Что ты делаешь? – удивлённо спросил Антон.

Ни слова не говоря, Екатерина запустила руку в надрез и

с усилием выдернула оттуда окровавленную металлическую пластину с крючками на концах.

– Это клон, а вот и его чип. Пошли, нам надо добраться до настоящих.

Она сняла автомат и протянула Антону:

– Держи, парабеллума с собой нет.

– Сойдёт, за граница нам поможет.

– Рада, что пришёл в себя. Да, если увидишь другую меня, или ещё кого из наших, включая себя самого – вали не раздумывая. Только не перепутай. Мы единственные и неповторимые! Помни это!

В разделочной, где лежали на столах выпотрошенные трупы людей, их дожидались Дмитрий с Юлей.

– Нас эта же участь ожидала – кивнув на трупы, промолвил Антон.

– Не дождутся! – ответил Дмитрий

– Мочим их всех! Сверхчеловеки, бля! Люди им не нравятся!

Из разделочной следующая дверь вела в коридор. Зажав в руке гранату, Дмитрий присел перед ней на корточки

– Антоха! – крикнул он, обернувшись, – толкни дверь и в сторону!

Антон пнул дверь и отскочил назад, тут же на уровне груди дверь прошили несколько пуль. Дмитрий низом катнул гранату по коридору, укрылся за косяк. Раздался взрыв, коридор заволокло дымом, кто-то дико закричал, Антон вы-

пустил туда очередь, крик смолк. Они выскочили в коридор, переступая через распластанные на полу неподвижные тела, побежали дальше. Слева через полуоткрытую дверь были видны яркие вспышки, и слышался сильный гул. Первым туда ломанулся Дмитрий, с автоматом наизготовку, готовый всё крушить на своём пути. Через распахнутую дверь, освещаемый непрерывными вспышками, было видно, как он вдруг остановился и, глядя на что то, отпустил автомат.

– Не хера себе! – раздался его изумлённый голос. – Ребята, заходите, гляньте, на это!

Катерина, Антон, Юля, друг за другом зашли в помещение и зачарованно опускали оружие. Окружённые радужным переливающимся пузырьём энергии, по поверхности которого вспыхивали электрические разряды, на светящейся площадке, стояли ихние двойники и с не меньшим изумлением смотрели на них. Одеты двойники были в странные одеяния, напоминающие древнеримские или древнегреческие тоги, на ногах сандалии с повязками. С обеих сторон площадки возвышались какие-то странные сооружения, которые громко гудели, и из которых исходили непрерывные пучки ярких молний, соединявших их со светящимся пузырьём.

– Смотри, Юлька, а там ты ещё красивее, чем здесь – восхищённо проговорил Дмитрий

– Ага, – согласилась Юля, – а Катька то, вообще полный отпад!

Лицо двойника Катерины вдруг исказилось от страха, и она в ужасе подняла руки, словно пытаясь заслонить себя ими.

Антон увидел, как Катерина поднимает ствол пулемёта.

– Не надо! – отчаянно вскрикнул он, отбивая рукой ствол в сторону. Сверкнула ослепительная вспышка и двойники исчезли. Ещё он увидел яростные глаза Кати. Потом удары током, яркие вспышки, темнота, а в темноте кружились по спирали, удаляясь, пьяный ёжик в обнимку с ржущим конём в небесном пальто.

Глава 14

1 ноября 82 г до н.э. когда солнце уже клонилось к закату, легионы славного проконсула Суллы, строились за стенами Вечного Рима, чтобы дать решительный бой мятежникам и злейшим врагам римлян. Напротив, войск Суллы выстраивались десятки тысяч самнитов, которых привёл смертельный враг Рима, Понтий Телезин. И римляне Суллы, и самниты Понтия отлично понимали, что решается судьба их народов, в случае поражения пощады не будет ни тем, ни другим. Мужчины будут полностью вырезаны, а детей и жён продадут в рабство, нация перестанет существовать, исчезнет с лица земли. Так что сражение предстояло свирепое и беспощадное.

Антоний наблюдал за приготовлением к битве с городской стены. Посиневшая правая рука его болталась на привязи, перекинутой через плечо. Утром, он вместе с городским

ополчением участвовал в вылазке против самнитов. Нужно было выиграть время, для прибытия войск Суллы. Ополчение, плохо обученное, почти полностью погибло, и было бы вырезано совсем, но подоспел отряд всадников Бульба, посланный Суллой. Он то и спас остатки ополчения. В бою Антония лягнула лошадь, да так, что повредила руку, та распухла и посинела. Добравшись до города, преодолевая боль он доплёлся до своей инсулы, в которой было его жилище из двух комнатушек на первом этаже, четырёхэтажного здания. Там его ожидала Екатерина, по легенде его жена.

Увидев руку Антония, она молча отодвинула камень в стене, где у них был тайник с различными нужными припасами, прихваченными из будущего. Были там, разумеется, шприцы и лекарства. Вколов изрядную дозу обезболивающего и антибиотиков, смазав руку, обернули тряпицей, смоченной отваром коры ивы.

– Зачем ты полез воевать? – укоризненно спросила Екатерина

– Чтобы не вызвать подозрения, ты же знаешь, что будет дальше. Быть врагом Суллы, равно самоубийству. Поучаствовав в бою на его стороне, хороший задел на будущее. Давай поедим, и я пойду на стену, наблюдать за битвой.

– Может я с тобой?

– Нет, наблюдай и записывай, что происходит в городе, в этом наша задача.

– Слушай, а кто были наши двойники на базе? По-моему,

они собирались нас уничтожить. За что?

– Не знаю, потом разберёмся.

И вот Антоний на стене. Звучат трубы, раздаются команды центурионов, легионы Суллы и самнитов в шахматном порядке двигаются друг к другу. Страшное и завораживающее зрелище. Огромные массы людей колыхаясь, приближаются навстречу. Чем ближе, тем быстрее они двигаются, по ходу перестраиваясь в сплошные линии. И вот уже они в десятке метров друг от друга. Звуки труб и тысячи пилумов летят с обеих сторон, впиваясь в щиты, калеча легионеров. Передние ряды сшибаются друг с другом. Рёв, крики, стоны, звон металла. Великая битва у Коллинских ворот начинается. 40 тысяч легионеров Суллы, против 70 тысяч, сходятся в смертельной схватке.

Сулла выиграл эту битву. 50 тысяч убитых остались лежать на поле побоища. 6 тысяч пленных были свезены на Марсово поле и ждали своей участи. Сулла созвал заседание сената в храме Беллоны, что находился на Марсовом поле. Сенат должен был одобрить все деяния Суллы с момента его отправки в Грецию и осудить его врагов. Когда Сулла произносил речь, со стороны Марсового поля раздались нечеловеческие вопли боли и ужаса, это вырезали пленных самнитов. Казнили с чувством и не торопясь, чтобы Сенат, слыша эти вопли и предсмертные крики, до глубины души проникся правильностью деяний Суллы. Сенат проникся. Речь, сопровождаемая стонами, умирающих на Марсовом поле, произ-

вела большое впечатление, и единогласное одобрение. Народ Рима, в массе своей, с чувством глубокого удовлетворения, воспринял казнь давних врагов Рима. Особенно всех восхитила ораторская способность великого Суллы, убеждать Сенат. А уж совсем народ воодушевился, когда появились проскрипционные списки. Проскрипции – это списки, которые вывешивали на стенах частных домов и общественных зданий, чтобы народ знал, какие люди являются врагами Рима. Люди, чьи имена попали в списки, должны были быть казнены. Никто не имел права укрывать включённых в проскрипции. Тех, кто им помогал, будь то любой родственник, тоже казнили. Имущество проскрибированных конфисковалось, причём, если был доносчик, он получал существенную часть. Более того – попавшего в список можно было казнить самому. А потом принести его голову и получить два таланта серебра. Награда выдавалась также рабам, только меньшая, чем свободным гражданам. Но зато раб получал свободу. Халява. Славный народ Рима с воодушевлением и небывалым энтузиазмом взялся за дело. Охотились за теми, кто в списках, рубили им головы, строчили доносы на соседей, на родственников, чтобы завладеть их имуществом. Списки пополнялись и множились по всей стране. Оказалось, что быть богатым в стране стало смертельно опасно. И не только. Донос могли написать на любого. За сочувствие к наказуемому, за оплакивание его после смерти, за недобрый взгляд на проскрипции. Как говорится, бизнес и ничего личного. В

стране воцарил порядок. Каждый боялся каждого, все ненавидели всех.

Однажды, проходя мимо площади, где горой лежали головы казнённых, Антоний увидел отрубленную голову Дмитрия, его напарника по скитаниям во времени. Внутри всё похолодело. В инсуле, где Дмитрий жил с Юлией, так же изображавшие семейную пару, как они с Катериной, Антоний увидел, что их жилище занимают чужие люди. Не помня себя, Антоний бросился домой.

Глава 15

Опрокинутые атакой белочехов, разрозненные отряды красногвардейцев откатывались от Адмиралтейской слободы. Антон и Дмитрий с двумя десятками наспех набранных добровольцев, быстро отходили прочь от высадившегося десанта. Бой был скоротечный, необученные красногвардейцы, после несколько оружейных залпов и пулемётного огня в панике отступили.

– Продали нас братцы, комиссары, погибнем мы тут все! Тикать нужно из Казани, покуда не поздно! Каппелевцы вон с тыла зашли, чехов тьма сюда прибыла. Рабочие с Ижевска, и те против нас сюда воевать пришли. Хана нам!

Стрельба в городе раздавалась в разных местах. Невдалеке горел дом, едкий дым стелился по земле, от него першило в горле, слезились глаза. Неожиданно совсем рядом резко с металлическим звоном застучал пулемёт. Четверо шедших позади, выронив винтовки, замертво повалились на непро-

сохшую от дождя землю, остальные бросились врассыпную. Антон, Димка и ещё один боец, со скаткой шинели через плечо, заскочили за угол ближайшего дома. Пулемёт, ещё раз рывкнув короткой очередью, замолк.

– Из люськи строчат, с чердака – со знанием дела произнёс боец со скаткой. – Хорошая машинка, аглицкая, – с ноткой уважения добавил он. Солдат откашлялся, сплюнул, глянул на друзей.

– Вот что я вам скажу братцы, прячьте свои винтари и мотайте прочь из города. А не то прознают про вас, что воевали против, висеть тогда вам на столбах. Бывайте. – Солдат нагнувшись, добежал до сарая и исчез в глубине сада.

– Верно, мужик то говорит, на хер нам это мочилово – согласился Дмитрий. Опять коротко ударил пулемёт, в отдалении, кто-то зашёлся криком от боли.

– Люська, это пулемёт что ли? – морщась от воплей, спросил Дмитрий – Уж добили бы, сволочи...

Прозвучал одиночный выстрел и крик смолк.

– Ручной пулемёт "Льюис" – проговорил Антон.

– Нам бы такой.

– На хер он нужен, почти пуд весит, таскай его.

– А-а-а... – ну тогда сваливаем отсюда.

В тот миг, когда в непонятной комнате они повстречались с двойниками и их после долбануло током, Антон подумал, что пришёл им конец, как говорится – *finita la commedia*. Не тут-то было. Очухались они с сотоварищем Дмитрием в

каком-то подzemелье, в котором тускло, горела маленькая аварийная лампочка от аккумулятора. Пошарившись, обнаружили запроваленную керосиновую лампу, десяток свечей, охотничьи спички. Запалив керосинку, осмотрелись.

Рубленые стены из толстых брёвен плотно прилегли друг к другу.

Деревянный двухэтажный топчан возле одной стены, деревянный стол, две лавки. Всё изготовлено грубо, но крепко. В одном углу чугунная печка, типа буржуйки, с трубой, возле потолка обмотанной асбестом. Напротив, лестница и люк наверх. Возле топчана деревянный шкаф, подле, окованный по углам железом, сундук. В углу прислонились несколько винтовок Мосина с длинными трёхгранными штыками. Тут же на полке, четыре револьвера и два маузера, в заводской смазке, рядом коробки с патронами. В сундуке кроме различной одежды, документы в шкатулке. Это были паспортные книжки, выданные в 1909 году на имя Антона Иванова, и Дмитрия Смирнова с Нижнего Новгорода.

– Видимо сюда очередных клонов направляли. Не для нас же всё это приготовлено. Все клоны Антонами и Дмитриями назывались?

– Почему бы и нет? Может, у них дело на поток организовано. Конвейер. Лепи Антошек да Димок пачками, да Катек с Юльками в придачу. Сколько ещё нас бродит по свету? Неужто и мыслят все одинаково?

– Да по барабану! Что делать то дальше будем?

– Давай люк откроем, узнаем, где мы. – Дмитрий полез наверх по лестнице, поднатужившись, приоткрыл крышку люка.

– Кажись мы в лесу... – Никого. – Он полностью откинул крышку и выбрался наружу. – Вылезь, Антон, подыши, свежим воздухом.

Спустя час два грузчика с Нижнего Новгорода с револьверами за поясом и котомками за плечами вышли на насыпь железной дороги. Ещё через полчаса за поворотом они увидели дымящиеся развалины полустанка. Свернув с путей в лесок они, достав револьверы, осторожно приблизились к полустанку. Ни одной живой души. Обгорелые почерневшие остатки жилого строения лениво дымились, потрескивая и нехотя стреляя огненными искрами. Тогда они с опаской выбрались из леса. Во дворе, возле сарая, валялась мёртвая корова с вспоротым животом, из которого вывалились в дорожную пыль разноцветные внутренности. Жирные изумрудные мухи роились и ползали по окровавленным кишкам. Несколько пристреленных дохлых куриц белыми комочками валялись в разных местах двора. За сараем шелестел листвой громадный дуб. Когда Антон с Дмитрием завернули туда, то увидели, как на нижних ветвях дерева гроздьям висят трупы людей. Они медленно вращались на верёвках, словно красуясь друг перед другом. Друзья подошли поближе. Один из повешенных, был по пояс голый, на спине его виднелась запёкшаяся вырезанная ножом звезда.

– Теперь ясно, куда мы вляпались – мрачно произнёс Антон. В самое что ни на есть дерьмо, в гражданскую войну. Осталось узнать в какое время, и в каком месте.

Труп со звездой развернуло, оказалось, что у него выколоты глаза.

– Слушай, а зачем они курей то постреляли? – спросил недоумённо Дмитрий.

– А затем, что это революционные красные куры.

– Так они же белые?

– Значит, как предателей. Пошли дальше, что ли?

Кое – как, добравшись до Казани, они записались в добровольцы в красногвардейский отряд. Им выдали винтовки и по две обоймы патронов. Буквально через час белочехи перешли в наступление...

В Свияжск, куда Антон и Дмитрий попали вместе с бегущим из Казани полками красных, ожидалось прибытие Троцкого. По слухам, вместе с ним находилась красавица комиссарша. Зная характер Катерины, друзья допускали возможность, что это могла быть она. Они ошиблись. Лариса Рейснер, оказалась блистательной красавицей, но не Катерина. Троцкий железной рукой принялся наводить дисциплину в армии. Бежавший с поля боя полк петроградских рабочих, подвергли древнеримскому ритуалу децимации, расстреляли каждого десятого. Не жалел он ни командиров, ни комиссаров. Человеческая жизнь ничего не стоила. Убивали и белые, и красные, уцелеть в разгоравшейся гражданской войне

было тяжело.

– Не знаю, куда мы попали, в какую вселенную, но если туда, куда мы подозреваем, воевать ни за кого я не собираюсь. Правнуки опять окажутся в говне, – высказался Дмитрий.

– "Хозяйка – тварь, вино – говно, котлеты – тухлая конина! -

Подать мне шляпу и пальто, плевал на ваши именины!" – процитировал Антон. – Вперёд на Москву, там наши девочки!

Мудрое решение. "Плоды смуты никогда не достаются тому, кто ею вызвал; он только всколыхнул и замутил воду, а ловить рыбу будут уже другие" – сказал Монтень, и он был прав.

Конец первой части.

Умирать не комильфо или из жизни ящеров

Умирать не хотелось. Друзья и знакомые уходили в мир иной один за другим, своей кончиной издевательски намекая, что и его вскоре ждёт полный амбец. Мало того, они беспрестанно являлись ему во сне, дружески распивая с ним водку, работая вместе с ним, словом живя обычной жизнью в его снах, будто и не отбрасывали коньки вовсе. Суки. Первое время он ходил на похороны, со страхом и любопытством вглядываясь в восковые лица лежащих в гробу, тех, кто совсем недавно общался с ним, строя какие-то планы на буду-

щее, совсем не полагая, что спустя малое время, будет неподвижно лежать кусками протухающей плоти, на всеобщее обозрение.

На лицах большинства пожилых, кто пришёл проводить усопших в последний путь, читалось за маской скорби, плохо скрываемое облегчение, что в гробу лежат не они. Пока не они. Все с нетерпением ждали, как опустят в вырытую яму гроб, и закидают землёй. После воткнут крест с табличкой, пристроят вокруг венки с искусственными цветами и быстренько покинут кладбище. *Alles. Finita la commedia.* Был человек, и нет человека. Как и не было вовсе.

Родные и близкие поплачут некоторое время, поскорбят, справят поминки, поставят свечи за упокой и с мыслью, мол – "что делать, все там будем", постепенно успокоятся. Дома побыстрее избавятся от вещей покойного, дабы ничто не напоминало о нём, не травмило душу, не указывало живым, что их ждёт впереди. Пройдёт время, и об умершем будут вспоминать всё реже, а в следующем поколении его забудут вовсе. Могила зарастёт травой, могильный холмик сравняется с землёй, и прожитая жизнь, человеческая со всеми своими переживаниями, мечтами, надеждами, канет в лету... Зачем всё это? В чём смысл?

Никто не спрашивал, хочешь ли появляться на этом свете, тем более что придётся покидать этот мир. Неотвратимо, без вариантов, навсегда. Живёшь, не кому не мешаешь, планы строишь – бац! В могиле твои кости черви обгладывают. За

что?

К старости накапливались болезни. Хрустела шея, болела поясница, прыгало давление, скакал пульс. Сердце работало с перебоями, иной раз так сдавливало в груди, что приходилось трясушимися руками доставать лекарство, глотать его, с ужасом думая: – капец, неужели всё? Мысли о неминуемой смерти лезли в голову, беспрестанно низвергая в тоску и уныние. Ладно бы сразу или во сне, – уснул и не проснулся. Тихо и достойно, никого не утруждая. Об этом оставалось только мечтать. Корчиться в мучениях от рака, или гадить под себя, валяясь овощем от инсульта, мучая невольно своих близких, которые будут желать тебе скорейшей смерти... Господи, упаси!

Примерно об этом размышлял гражданин, торопливо шагая вдоль забора из бетонных плит, который огораживал стройку. Погода стояла мерзопакостная. С неба, затянутого серым нависающим покрывалом туч, моросил мелкий противный дождь, на чёрном, пожёванном асфальте, блестели пятна холодных луж. Тонкая куртка не грела, матерчатая кепка на голове промокла.

Промозгло, сыро, противно. Скорее домой, в тепло, чаёк с мёдом, а можно и стопарик для сугрева... или два. Сверху, рассекая воздух, на голову гражданина свалился кирпич. Силикатный, неокрашенный, пустотелый, с дырочками внутри. Гражданин замер в изумлении на мгновение, в голове его сверкнула молния, ноги подкосились, и он рухнул лицом в

грязную лужу.

– Здорово братан! Миллион лет тебя не видел! Ты никак крикнул болезный! – услышал он голос у себя в голове. Гражданин открыл глаза. Перед ним, свесив короткие конечности, стоял, опираясь на мощный хвост, зелёный зубастый ящер, метров этак двух высоты. Не зная почему, но он узнал в этом пресмыкающемся своего брата Николая, погибшего пару лет назад. Гражданин посмотрел на своё тело. Такой же зелёный, чешуйчатый.

– Узнаёшь брата Колю? – спросила зелёная тварь, не открывая пасти, телепатически.

– Узнаю брата Колю! – ответил мысленно гражданин. Они при жизни всегда так приветствовали друг друга, отдавая дань незабвенному роману "Золотой телёнок", который любили оба. Братья обнялись, приподняв хвосты.

– Как тебя Саня угораздило? – спросил ящер брат Коля.

– Да иду по улице мимо стройки, вдруг бац на голову кирпич – и всё! – ящер Саня почесал передней лапкой с когтями, то место, где должна быть лысина. Но там торчал костяной гребень, чесать его было неудобно.

– Так может ты и не помер до конца, может, в реанимации валяешься, а тут временно?

– Всё, может быть, не помню ничего. Ну а ты давно тут?

– Как копыта откинул, так тут и очутился. Сперва тяжело было, потом привык. Силой бог не обидел, челюсти, любую кость перекусят, а зубы, смотри какие мощные. – Ящер Ко-

ля открыл внушительную пасть, с которой капала слюна. – У тебя точно такая же пасть, и когти острые как бритва. Живём, брат! Как там моя, как дети?

– Всё нормально, живут как все, вертятся.

– А как политика?

– Да ну её, грызутся, похоже ядерная война на носу.

– Всё правильно, – произнёс телепатически Николай. –

Если ружьё висит на стене, оно рано или поздно должно выстрелить! Примерно так высказался Чехов, а Антон Павлович умный был человек, не чета нам! Капец, значит, всем близится? Здесь тоже всем амба скоро, глянь на небо.

В вечернем небе прямо в зените висела кровавая звезда с пепельным хвостом позади.

– Что это?

– Астероид, от которого все динозавры подохнут, и мы тоже.

– Опять что ли? Я только что вроде как в своём мире откинулся!

– Что делать брат, такая твоя планида. Да ты не расстраивайся в другое место там, наверху, командировку выпишут. Лишь бы не глистом в чей-то жопе...

– Сколько времени у нас осталось?

– Может день, а может час... Я не астроном, и не бабка гадалка. Ты лучше тут осмотришь, что и как, а то и вспомнить нечего будет.

Посмотреть было на что. Вокруг росли огромные деревья,

папоротники. Вверху рассекая влажный воздух, планировали на перепончатых крыльях большущие ящеры, время от времени издавая пронзительные крики. В отдалении паслись гигантские травоядные. Под ногами и хвостом шуршала всякая мелкая тварь. Подняв хвосты, братья зашагали вдоль реликтового леса, то и дело щёлкая зубастыми пастями, пытаюсь, покоцать огромных надоедливых доисторических мух. Никогда ещё Александр не чувствовал себя так прекрасно. Забытое чувство крепкого здорового тела вселяло радость. Хотелось жрать.

– Жрать хочу! – признался он брату, клацая зубами.

– Да не проблема! Тут рядом пасутся души мелких чиновников, то ли крокодилчики, то ли ящерки. По вкусу мерзость, но для души приятно.

В грязной луже жмурясь от заходящего солнца, нежились несколько метровых пресмыкающихся, напоминающих зубастеньких ящериц. Братья свалились на них как снег на голову.

– Не трогай меня! – заверещала одна из ящериц, приподнимаясь на лапах, – ты что, не узнал, я же твой начальник цеха!

– Узнал, как же не узнать Пётр Семёныч, – произнёс братан Коля, откусывая начальнику цеха голову. Он разодрал тушку надвое и протянул брату Сане хвост. – Лопай!

– И впрямь не вкусно! – выплёвывая кости, согласился Александр.

– Всё потому, что при жизни сволочью был, кровушки мне попил, вот теперь я и отыгрываюсь. Только вот какая закавыка, – я его сожру, а на следующий день он опять целёхонек. Правду говорят, что чиновники как тараканы – они неистребимы.

Затрещали деревья, задрожала земля. Прямо на них надвигалась огромная туша.

– Посторонись! – заорал ящер Коля. – Затопчет и не заметит!

Александр задрав хвост, ломанулся в сторону. Мимо него, переставляя подобные колоннам ноги, протопало гигантское нечто, распространяя вокруг тяжёлый запах немытого тела. Где-то высоко вверху на длинной шее болталась малюсенькая относительно туловища голова.

– Что это за срань господня? Вонючая к тому же? – Александр никак не мог успокоиться. Костяной гребень его на голове вздыбился, кончик хвоста дрожал.

– Аргентинозавр кажется, учёные такую кликуху ему назначили. Жрёт много, а срёт ещё больше. Американская вонючка.

– Бе-е-е! – раздалось сверху тоненьким фальцетом.

– Слышишь, блеет как гомик! Сучка пендосовская! Пошли я тебе главного тут покажу.

Меж тем, не смотря, что солнце уже скатилось за горизонт, было светло как днём. Сияние исходило из сверкающего объекта в небе, которое изрядно увеличился в размерах.

Но никто вокруг не обращал на это внимания, все занимались своими обычными делами. Кто-то щипал травку, кто-то жрал того, кто щипал травку, а некоторые нападали на тех, кто обгладывал кости щипавших травку. Словом, все поедали себе подобных, и не себе подобных, всего, что шевелится, будь то живое, либо зелёное, колыхающееся от дуновений ветра. Какой тут к чёрту астероид? Все делом заняты, некогда в небо глянуть, лучше в землю носом, а вдруг там что-то съедобное бегаёт?

Навстречу шагающим братьям попалась очаровательнейшая динозаврочка их вида. Ей сразу приглянулся почему-то Александр.

– Перепихнёмся? – лизнув своим змеиным языком зубастую морду Александра, нежно спросила она. – Я тебе яйцо снесу.

Разинув пасть Александр, наблюдал, как томно затуманились жёлтые зрачки прелестной незнакомки, как пробежала дрожь по костяным пластинам от макушки до кончика хвоста.

– Как звать то тебя?

– Люся – потупилась зубастая красавица.

– Давайте, давайте! Только по-быстрому! Я отвернусь, – подбодрил брата Николай. – Познай дзен конца мелового периода!

– Я, что, против что ли? Вот только из яйца никто вылупиться не успеет. Астероид на подлёте.

Динозаврочка глянула на небо.

– Ничего, милый, зарю поглубже, пускай археологи в будущем радуются. Трахнулись. Радостная самка побежала откладывать яйца. Братья же двинулись дальше.

На берегу моря, опёршись на хвост, восседал огромный тираннозавр и лениво грыз ногу от какого-то ископаемого. Вокруг него, склонив голову к земле и задрав хвосты вверх, вприсядку перемещались ящурки поменьше. Они то и дело замирали, окружив тираннозавра, и хором шипели. Братаны остановились поодаль. "От начальства подальше – шкура целее" – пояснил брату Николай.

– А что они ползают кругами, и шипят хором? – поинтересовался Александр? усердно чеша лапой жёлтое пузо.

– Шипят, это они прославляют так босса, а ползают, – это пресмыкаются перед ним. Они же пресмыкающиеся, деревня!

Увидев, что ящер Саня уже двумя лапами яростно чешет низ своего живота, Николай расхохотался.

– Да не как тебя подруга доисторическими насекомыми наградила. Ну, Люська, ну зараза! Вот и поймал дзен!

Николай повёл мордой, что-то ища глазами посреди травы, потом сорвал большой багровый лист, похожий на лопух.

– На, потри, где чешется, враз все насекомые повыскакивают.

Александр взял протянутый лист, потёр, где чесалось, и взвыл от боли. С его тела вниз на землю, словно горох посы-

пались жёлтые насекомые. Зудеть перестало, но жгло, будь здоров.

Его вопль слышали ящеры, что пресмыкались возле тираннозавра. Двое из них направились к братьям.

– Морду в землю, хвост вверх! А то сожрут! – прошипел Николай брату. Пришлось склониться.

– Что орём? – спросил один из подошедших ящеров, обнажив свои превосходные, не тронутые кариесом клыки и прочие зубы. – У вас проблемы?

– Нет проблем – хором прошипели братья.

– У вас проблемы! – утвердительно сказал, подбоченясь ящер, раздувая ноздри. Он что-то ещё хотел произнести, но тут сверху раздался пронзительный вопль. Прямо над ними пронёсся птеродактиль. Из его гузна вырвалась мощная струя жидкого кала, которая залила готовящегося продолжить речь пресмыкающегося. Включив форсаж, птеродактиль унёсся прочь.

– А говорите, нет проблем! Тут с головы до ног обсирают, какие-то вражеские пердулеты, а мы как рыба об лёд! Я, как лицо неприкосновенное, возмущён! Жидкое дерьмо безразлично стекало с морды и туловища неприкасаемого. Второй ящер, отвернув морду, злоредно скалился.

– Всё, вы виноваты, звероподобные! Пошли до босса, пусть он вас слопает!

Они вчетвером на полусогнутых направились к тираннозавру. Тот уже закончил грызть кость и прикрыл жёлтые гла-

за, видимо собираясь вздремнуть с устатку.

– Величайший! – телепатически прокричал обгаженный ящур – сожри этих ничтожных тварей! – Он мотнул мордой в сторону братьев. Тираннозавр приоткрыл один глаз

– Сожру. Но не сейчас. И не их. А тебя, и то, если от говна отмоешься.

– Меня-то за что? – обиделся обосранный.

– Спать не даёшь, сволочь. Бери их за шкурку и ать-два, воевать! И ты вместе с ними. А то порву на портянки!

Величайший закрыл свои веки. На его огромном теле висели разбухшие от крови твари похожие на огромных пиявок. Несколько из них с чмоканьем отвалились от его тела и поползли в их сторону.

– Валим отсюда пока при памяти! – заорал кандидат на портянки. – А то присосутся и капец!

– Куда валить то? – поинтересовался Николай.

– Надо успеть доскакать до границы.

– А где граница?

– Где река, протекает, а за ней бугор.

Они поскакали, только пыль столбом. Но никто не заметил, что одна из пиявок повисла у Николая на хвосте. Вот и речка. Тут Александр заметил пиявку, что присосалась к брату.

– Колян! – заорал он, – у тебя пиявка на хвосте! Сбрось её!

Колян с испугу мотнул хвостом так, что пиявка отцепилась и улетела за речку. Шлёпнувшись в грязь, она развер-

нулась и поползла прочь.

– Вот гадина, кровушки напилась, а теперь за границу двинулась, за бугор. Пойду на речку, дерьмо с себя смою.

– Мы то же сходим, искупнёмся, жарко что-то. – Александр взглянул на небо. Астероид приобрёл размеры солнца. На бугре появилось несколько ящеров, они угрожающе шипели. За ним нарисовался вражеский тираннозавр.

– Вот и сходили за водичкой – прошипел Николай. – Сейчас нас кромсать будут.

Сверху посыпался огненный дождь раскалённых осколков. Один из них угодил прямо в тираннозавра. Тот лопнул, словно воздушный шарик. Куски мяса от его тела разлетались по сторонам.

– Спёкся гадёныш! – восторженно завопил, а кто именно, Александр не успел понять. Астероид врезался в землю совсем неподалёку от них.

Александр с трудом открыл глаза. Страшно болела голова, во рту пересохло, мучила жажда. Первое, что он увидел, грязный, покрытый трещинами потолок.

– Никак очухался – услышал он женский голос. Над ним склонилось чудовище в белом халате. Ни жёлтых змеиных глаз, не костяного гребня на голове, и морда не зубастая... Александр глянул вниз – хвоста из-под халата не торчало. Жуть.

– Как вы себя чувствуете? – спросил гладкокожий монстр. Александр перевёл глаза на своё тело. Руки, ноги... – он

понял, что снова стал человеком.

– Пить, – попросил Александр.

Медсестра протянула ему стакан воды, что стоял на тумбочке возле изголовья. Выглядела она очень даже ничего, если судить человеческим категориями.

– Лежи, отдыхай – произнесла сестра, забирая пустой стакан. – Скоро обход.

Сестра ушла. Александр осмотрел палату. Четыре железные кровати, две из них пустовали. На одной, с перевязанной головой лежал он, на другой, что стояла впритык к его кровати, кто то находился. Из-под одеяла торчали босые ступни. Пятки были жёлтые, в трещинах, обрамлённые по краям толстым слоем ороговевшей кожи. Смотреть на них было невыносимо противно. Александр, морщась от боли, приподнялся на локтях, пытаясь разглядеть соседа по палате. Тот неподвижно лежал на кровати, задрав вверх, заросший седой щетиной подбородок. Серое морщинистое лицо, впалые щёки, торчавшие из носа волосы, белая поросль остатков растительности на обтянутом кожей черепе. Из чёрной дыры беззубого рта с хрипом вырывался воздух.

– Эй, мужик, слышишь меня? – просипел Александр, поражаясь своему скрипучему голосу. – В ответ тишина.

– Дедуля то не жилец... отходит, – подумал про себя Александр, ложась головой на подушку, прикрывая глаза – А ты Александр Васильевич, значит, опять на этот свет вернулся. Вообще, что это было? Большое видение трахнутого

кирпичом мозга, либо это произошло на самом деле? Вот бы найти те самые яйца, что после него динозавриха Люська отложила. Жалко, что всё прахом пошло.

Соседняя кровать заскрипела. Александр Васильевич открыл глаза. Сосед, выгнув спину, сучил на постели ногами. Байковое одеяло слетело с него и упало на пол. Неожиданно из пустоты возникло несколько полупрозрачных человеческих фигур. Окружив постель соседа, они молча наблюдали, как тот корчится в судорогах. Александр Васильевич хотел было крикнуть, чтобы пришёл доктор, но один из полупрозрачных фигур повернулся к нему лицом.

Фигура приложила палец к губам, из глаз её струилась такая вселенская любовь и умиротворение, что Александр Васильевич безмолвно замер. Сосед изогнулся в последний раз и, прохрипев, затих. Через мгновение от бездыханного тела отделилась его точная полупрозрачная копия. Она улыбалась счастливо окружавшим его фигурам. Двое из них взяли её за руки, и все растворились в дрожащем воздухе.

В палату заглянула пожилая санитарка-уборщица. Она неодобрительно посмотрела на валяющееся, на полу одеяло, потом на бездыханное тело.

– Никак представился – равнодушно произнесла она, поднимая с пола одеяло. – Ну и с богом, царствие небесное. Ронять то одеяло необязательно. И кровать сбuzил всю. Беда с вами, больными. – Санитарка что-то продолжала ворчать себе под нос, но Александр Васильевич не слушал её. Он ле-

жал и улыбался.

Туман

Утро выдалось солнечным, весёлым, безветренным. Катер, скользил по речной глади, оставляя за кормой буруны от винта. Далеко впереди, сияла куполами на солнце церковь. «Ярославец» вёз вахту на плавучие краны. Те разгружали с барж щебень на пологий берег, перед церковью, возвышающейся на высоком обрывистом холме. Все сидели на скамье перед рубкой и молчали, подставив лица под встречный напор воздуха, пахнувшего рыбой и зелёной тиной. Ещё немного и покажутся краны, с пришвартованным к ним баржами. Но за поворотом непроницаемой завесой охватывая всё ширину реки, клубился туман.

– Мать, перемать, и все святые угодники! – капитан, высунув голову из рубки, резко сбавил ход. Катер клюнул носом, гася инерцию, люди, сидящие на лавочке, невольно качнулись вперёд.

– Поаккуратнее, людей везёшь!

– Не орите! Смотрите, что впереди творится! Армагеддон сплошной и несусветный! Ни черта не видно! Хоть назад вертайся!

– Зачем назад? Метров триста до кранов! Потихонечку, как-нибудь, а? – никому не хотелось возвращаться обратно. – Там люди ждут, к пересменке готовятся.

– Чёрт с вами! Кто ни то встаньте, рындой сигналы подавать! Три длинных каждые две минуты.

– Давай я! – согласился Семёныч, пожилой крановщик. Большой грузный, он, кряхтя, поднялся с лавочки, подошёл к начищенной рынде, то бишь к судовому колоколу, взял в руку верёвку, привязанную к языку колокола, и трижды ударил. Тягучий звон разлетелся по реке.

– Хорошо поёт! – одобрил Семёныч. – А у нас на кранах из чугуна, говно.

"Ярославец" медленно вползал в серую мглу. Людей, стоящих на палубе, обдало пронизывающим холодом, ледяная взвесь тумана, буквально облепила тела людей, их встревоженные лица. Пелена была настолько плотной, что тяжело было дышать. Но самое поразительное, по мере того как катер продвигался дальше, цвет марева приобретал зеленовато-жёлтый оттенок.

– Сколь живу, никогда такой срани не видывал! – изумился Семёныч.

– Склянки бей! – заорал капитан, – службу плохо несёшь!

– Дзинь! – Дзинь! – Дзинь! – зазвенела рында. Матерясь, капитан сбавил ход на самый малый. Катер неслышно продвигался по фарватеру. Ни спереди, ни сзади, ни сверху ничего не было видно, – сплошной жёлто-зелёный мрак.

– И на кой хер я послушал вас, дурак старый! – крутя штурвал, матерился капитан. Чёрные усы его свисали вниз, взгляд был сердит.

– Дзинь! – Дзинь – Дзинь! – опять прозвучал судовой колокол. Катер ткнулся носом в борт баржи, скрежеща цепью

кранцев о железный бок, по касательной продолжал двигаться вперёд.

– Мишка, не спи! На ходу прыгай! – Мишка, отцепив леерное ограждение, проворно перемахнул на засыпанную щебнем палубу баржи. «Ярославец» взревев, подался назад и, развернувшись, исчез в клубах тумана. Мишка минуту постоял, прислушиваясь к удаляющемуся гулу двигателя катера, потом, забросив на плечо сумку, лавируя между горками щебня, направился к крану.

Выгруженная баржа, вздымалась над палубой крана, швартовы были ослаблены, отчего нос баржи отошёл в реку. Мишке пришлось идти к корме, чтобы осторожно спрыгнуть на средний кнехт, а после на влажную палубу понтона. На кране было тихо. Главный, и вспомогательный, двигатель были заглушены, тишину нарушало лишь журчание воды, струившейся сквозь висящие на цепях привальники.

«Дрыхнут, наверное. Баржу выгрузили и спят как суслики». Но на душе сделалось беспокойно, казалось, весь воздух был пропитан неясной тревогой.

Он направился к трапу, ведущему в жилые отсеки, оставляя за собою отпечатки на покрытой росой стальной палубе понтона. Дверь капа была занавешена марлей от комаров, отодвинув её рукой, Мишка глянул вниз. Темень. Осторожно ступая по гофрированной металлической лестнице трапа, Мишка медленно спустился вниз. На последней ступеньке он всё же зацепился сандалией за уголок, приваренной к сту-

пеньке, чуть не распластался на сланях. Матерясь, он щёлкнул выключателем аварийного освещения. Вверху сквозь залапанное краской стекло плафона обозначило себя жёлтое пятнышко лампочки.

«Охеренно ярко светит, аж не видно не хера!»

Расстегнув сандалии, Мишка, нагнувшись, нашарил рукой тапочки. Из-под сланей тянуло ржавчиной и тухлой водой.

«Откачать бы водичку в жилом надо», – вяло подумал Мишка. «Только кому это надо? Ему то же нет, пошло все оно...».

Он вздохнул, выпрямился и, подхватив сумку, повернул налево по узкому коридору, переступив дверной комингс. Пройдя коридор, он, перешагнув очередной комингс, Мишка очутился в освещённом красным аварийным светом тамбуре. Смутно виднелись двери, ведущие в каюты, повернув голову в направлении лестницы ведущей на камбуз, Мишка различил восседавшего за столом Юрку. Тот сидел, ссутулившись, взлохмаченная голова его была опущена. Над ним, кровавым оком, мерцал красный плафон, указывающий на аварийный люк запасного выхода.

– Юрка, проснись манда, нас обокрали! – заорал Мишка, присаживаясь, напротив. Весь стол был завален рыбой чешуёй, валялись пустые банки из-под водки.

Юрка медленно поднял голову. Несмотря на тусклый кровавый свет, Мишке лицо его показалось мертвенно бледным,

а вместо глаз две чёрные дыры

– Квасили вчера? Ванька спит что ли? И поварихи не слышно, что за бардак у вас? Воняет черт те чем, обосрались тут что ли? – посыпал Мишка вопросами.

– Мишка... Привет Мишка... – медленно, как бы пробуя на вкус каждое слово, проговорил Юрка.

– Ну, мужики, видимо вчера крепко дали, слова еле выговариваешь. Как только баржу выгрузили. Кран то хоть цел?

– Цел. А Боря домой не поедет, он за борт ушёл, как Таньку кончал, так сразу и за борт... Бултых! – из Юркиного горла раздались клокочущие звуки, словно он поперхнулся.

«Что он буровит? На коня белого запрыгнул? Белочку поймал? Так вроде рано, не в запое был». – Мишка ещё раз внимательно посмотрел на Юрку

и тот ему совсем не понравился. Лицо из бледного приобрело синеватый оттенок, чернота зрачков пугала, а ещё Мишка различил на Юркиной шее широкую багровую полосу, которой минуту назад не было.

«Что происходит? У меня крышу сносит как у Юрки, может газ какой распылили? Нет, нужно на свежий воздух. Сумку с едой поварихе отдам и бегом на палубу...» – Мишка поднялся со стула и с опаской направился мимо сидящего Юрки к дверям камбуза.

– Не ходи туда, – схватил его за руку Юрка.

– Да отцепись ты! – вырвался Мишка – Дай Татьяне жратву отдать!

Он вбежал по лестнице, повернул рычаг железной двери камбуза и замер. Рука, державшая сумку, медленно разжалась, сумка упала на кафельной пол, внутри её звякнула, расколовшись, стеклянная банка, но Мишка не обратил на это внимания. То, что он увидел, заставило его оцепенеть. Среди побитой посуды, уткнувшись окровавленной головой в переборку, в луже крови, на животе, лежала повариха Татьяна. Подол её платья был задран на спину, обрывки трусов спущены на колени, бесстыдно раздвинутые белые ноги измазаны дерьмом. Из распоротого её живота, к дверям, где замер Мишка, разноцветными верёвками тянулись выпавшие внутренности поварихи. Видимо она ползла от порога, оставляя за собой кровавый след и свои кишки. Запах дерьма и крови был невыносим. К горлу подступила тошнота, Мишка захлопнул дверь камбуза, повернулся, ища взглядом Юрку, но тот исчез. Не в силах больше сдерживать рвоту Мишка бегом рванул к выходу на палубу. На полпути его вырвало прямо на ковровую дорожку, застеленную в коридоре.

Пошатываясь, Мишка поднялся по трапу на палубу. Туман и не думал рассеиваться, напротив, жёлто-зелёный окрас приобрёл ещё более зловещий трупный оттенок... Юрки на палубе не было, Мишка подошёл к береговому борту, трап был поднят.

«Что же стряслось на кране, неужто это Борис убил повариху? Баба то нормальная была, как же так-то? В ментовку звонить надо, пока самого не пристегнули». Мишка достал

из кармана смартфон, но тот даже не включился, как будто аккумулятор окончательно сдох, хотя Мишка зарядил его полностью перед работой. Пространство вокруг озарилось ярким светом. Рассекая мглу, из неоткуда, возникла фиолетовая молния с корявыми отростками. Упёршись концом в нос баржи, она, шипя, извивалась, от отростков сыпались искры. Мишка увидел, как стальной нос баржи начинает краснеть, из-под днища повалил густой пар. Мишку обдало жаром, он попятился, споткнулся об грейферный настил на палубе и задом упёрся в раскрытую челюсть грейфера. Потом молния исчезла, пар заволок полностью нос баржи, слышно было, как потрескивает, остывая железо.

«Валить отсюда надо, и побыстрее! Тут неладное творится. Куда же Юрка пропал, может в машинное отделение ушёл? Пойду, проверю, а потом на берег, к ментам...»

Люки на капе машинного отделения были открыты. Мишка заглянул в один из них, внизу было темно и тихо. «Юрка!» – крикнул он. Тишина. Тогда он, распахнув дверь, спустился по трапу вниз. В ГРЩ никого не было, в дизельной было жарко, Мишка прошёл мимо генератора и дёрнул ручку железной двери компрессорной. Там тускло мерцал красный свет фонаря. Под фонарём прислонившись, к пиллерсу, спиной к Мишке неподвижно замер человек.

– Это же Юрка, бисов сын! – Мишка направился к нему, толкнул того в спину. – Хер ли ты убежал... начал было ругаться Мишка, но увидел, как от его толчка Юркино тело

развернулось вокруг пиллерса, и Мишка с ужасом увидел перед собой вздутое лицо Юрки с высунутом на бок языком. Верёвка линия, протетая в отверстие между карлингсом и кницей, врезалась петлёй в его шею, голова склонилась на бок, а под висящим телом, лужа мочи. Мишка опасно дотронулся до Юркиной руки, та была холодной видимо смерть наступила давно. Внезапно сзади в кингстоне забурлила вода, Мишка покрылся холодной испариной. Он попятился, не отрывая глаз от висящего трупа, потом резко развернулся, и что есть мочи побежал прочь. Очутившись на палубе, Мишка рванул к трапу и, развернув его механизм в сторону берега, принялся бешено крутить ручкой, опуская лестницу вниз. Берег из-за тумана был еле различим, все же было видно, как по берегу медленно двигаются неясные тени людей. Услышав скрип опускаемого трапа, несколько человек остановились, а один даже подпрыгнул, пытаясь ухватиться руками за железную лестницу.

Мишку кто-то похлопал по плечу

– Не отпускай, не надо, а то поналезут всякие чужие – за своей спиной услышал он хриплый голос.

Мишка повернул голову: – сзади стоял Юрка, шею рассекала багровая полоса, лицо отекло и посинело, глаза казалось, выскочат из орбит, язык постоянно вываливался наружу и Юрка рукой впихивал его обратно в рот. Мишка попятился, чувствуя, как по спине текут струйки холодного пота. «Крышняк то у меня капитально снесло», – и неожиданно

для себя Мишка подумал, – «а раз снесло, значит и бояться нечего, мне всё это мерещится. Как говорят, если не можешь сопротивляться – то получай удовольствие. Это все туман, наверняка от него галлики» Странно, но эти мысли успокоили его.

– Юрка, а что за люди по берегу то бродят?

– Покойники местные, не отпускай трап.

«А и впрямь, зачем нам чужие, от своих волосы дыбом» – Мишка обратно повернул трап на палубу. Потом он обогнул Юрку, стараясь не прикасаться к его телу, и тяжело опустился на жилой кап. Юрка уселся рядом. Мишка достал пачку сигарет, протянул Юрке.

– Не, я не буду, горло болит – отказался Юрка

Мишка закурил. Где-то спереди, там, где должен был стоять второй кран и куда уехал катер, раздался рвущий душу тоскливый крик.

– Ещё один – прохрипел Юрка.

– Кто?

– Усопший.

– Ты сам то живой? На верёвке висящим тебя видел, да и сейчас вид у тебя, волосы на жопе встанут.

– Дохлый я, Мишка, дохлый. Когда ты меня возле камбуза видел, я уж и тогда пару часов болтался.

Под ними со скрипом кто-то открыл камбузный иллюминатор.

– Танька никак очухалась! Юрка нагнулся и крикнул вниз

– Поварёшка, ты что ли?

– Я, кто ж ещё?

– Что делаешь?

– Что что... Кишки свои в пузо собираю, да подмыться надо...

– Мишка приехал!

– Живой?

Живой ...пока.

– Ну и славно.

Со стороны верхнего крана прогремели подряд два ружейных выстрела.

– Быстро они – задумчиво произнёс Юрка.

– Слушай, Юра, спросить всё хочу, что у вас тут произошло? И почему ты в петлю надумал? – Мишка полез за очередной сигаретой. – На меня достань то же, один уж чёрт сдох – было видно, как Юркины руки покрываются трупными пятнами. Он по привычке размял сигарету пальцами с почерневшими ногтями, прикурил от протянутой Мишкой зажигалки. Но в мёртвые лёгкие дым шёл туго. Юрка закашлялся, выплюнул сгусток чёрной слизи.

– Да всё нормально было до вечера, баржу выгрузили, кран заглушили, соляркой малость торганули, ну и бухнуть решили. Борька в магазин на берег сгонял, Танька закуси наготовила. Сели, пропустили одну, вторую – вышли на палубу перекурить. А там всё туманом заволакивает, ничего не видно. И на душе муторно как-то сделалось. Плюнули, вниз

спустились, опрокинули ещё по несколько, только тошнотнее всё делается. Да ещё Танька с Борькой семейную драму устраивать начали. Ебаришки херовы! Взял я со стола пузырь и к себе в каюту. Юрка закашлялся, горлом хлынула чёрная кровь, на палубе образовалась зловонная лужа. «Ух, блядь!» – вытирая подолом майки рот, проговорил он. «Так вот, захожу я, значит, к себе в каюту, зажигаю свет – а на кровати сидит она, дочь моя, и с куклой играет! Увидела меня – «папа, папа!» – и на шею мне бросилась. А тельце то у неё маленькое, худенькое, а сама целует меня. Только губки то у неё холодные, ведь умерла она два года тому назад!

Погубил я её, взял с собой на рыбалку, оставил её на берегу, а сам за водкой в магазин. Прибежал, а она уж утонула, вытащил, а она водичкой захлебнулась насмерть. Увидел её у себя в каюте и решил – хоть мёртвые, но вместе будем».

Дверь в жилое открылась и оттуда вышла повариха Татьяна, живот её был обмотан окровавленной простынёю, на белом лице чёрные кровоподтёки, один глаз полностью заплыл. В дверях она обернулась и протянула кому-то свою пухлую руку. Мишка увидел, как в поварихи ладошку вцепились маленькие белые пальчики.

– Выходи, выходи Катюша! Воздухом подышишь, да и папа тебя тут дожидается. Держась за ладошку Татьяны на палубу, неуверенно вышла нарядная девочка лет четырёх. Озираясь, она увидела Юрия и бегом бросилась к нему.

– Катюша, доченька моя! – протянул ей навстречу руки

Юрка, подхватив, усадил девочку к себе на колени. Та, поёрзав немного, устроилась поудобнее и, обняв Юркину шею своим тоненькими ручонками, крепко прижалась к его груди. Девочка была красива, как бывают красивы дети. Вот только смертельная белизна кожи, чёрные губы и вселенская тьма вместо глаз, делали красоту эту пугающей. Когда она взглянула на Мишку, тому стало вдруг холодно.

– Красивая она у меня правда? – целуя в гладко зачёсанные волосы на макушке, залюбовался своей дочерью Юрка. – И нарядная, мы её в этой одежде в гробик ложили.

Нарядное платье пропитывалось сукровицей, стекавшей изо рта и носа распухшего страшного лица Юрки, от его штанов воняло мочой и говном, но девочка казалось, ничего не замечала – она сидела на коленях у любимого папы, она обнимала любимого папу. Мёртвая девочка на коленях у мёртвого отца – не в силах смотреть Мишка отвернулся. «Господи, за что всё это мне?»

– Привет Михаил – это повариха Татьяна подала голос. Из-под простыни, поддерживающую её внутренности сочилась зловонная жидкость, растекаясь по палубе

– Привет.

– Ты Борьку случаем не видел?

– Да вон твой Борька под водой, я его якорем придавил, чтоб не буянил тут, скотина – ответил ей Юрка

– Где?

– В якорный клюз посмотри, там, где шпиль, дура.

Мишка поднялся, подошёл к корме, заметил, как якорная цепь играет. Заглянул за борт, на глубине полутора метров шевелилось Борино тело. Якорь Холла придавил ему живот, не давая всплыть.

– Бедненький – жалостливо проговорила подошедшая Татьяна.

– Этот бедненький живот тебе вспорол – напомнил ей Юрка.

– Дяденька Миша! – звонким голосом прокричала вдруг мёртвая Юркина дочь. – Иди к себе в каюту, там тебя ждут.

– Кто там меня ждёт?

– А ты иди, там сам узнаешь – Мишка лишь на секунду встретился взглядом, девочкой и ощутил, как проваливается в бесконечную, безысходную пропасть. Его пробила дрожь. Он отвёл глаза, огляделся. Заметно потемнело. Окружающее пространство то и дело озарялось фиолетовыми вспышками. Беззвучно сверкали молнии, что-то тёмное пролетело над ними, махая огромными перепончатыми крыльями. Страх все сильнее охватывал Мишку, страх, переходящий в ужас.

– Глянь ко, к нам гость кверху жопой с другого крана приплыл! – произнесла все ещё стоящая на корме повариха. Всю башку из ружья разворотили. Кажется, Семенычем звали. Весело там у них там, сходить что ли?

– Кишки по дороге растеряешь, – съязвил ей Юрка. Дочка его все смотрела на Мишку: – Дядя! Иди!

– Ладно – Мишка резко поднялся и решительно напра-

вился к входу в жилое. В дверях он обернулся: все трое молча взирали на него. (У Юрки глаза побелели и на фоне сине – багрового лица, чёрных губ с торчавшим изо рта языком – все это смотрелось нереально жутко), Каюта Мишки находилась слева от лестницы, в самом углу. Перед дверью Мишка нерешительно остановился, прислушался, – в каюте было тихо. Непонятная тоска овладела им. Секунду постояв, он глубоко вдохнул и резко распахнул дверь. В полумраке каюты он разглядел сидящую на краешке кровати щуплую фигуру человека.

И она была до боли знакома Мишке.

– Ну, здравствуй сын! – услышал он чуть хрипловатый голос, и это был голос отца. И человек, сидящий на кровати, несомненно, был его отцом, умершим семь лет назад.

– Здравствуй батя – глухо выдавил Мишка, вглядываясь в лицо отца, но полумрак скрывал его.

– Да вот решил всё-таки навестить тебя, а то все собирался. То тебе недосуг, то мне некогда. Что в дверях стоишь, иди, хоть поздороваемся.

Отец встал с кровати и у Мишки ёкнуло сердце, как когда он увидел отца в гробу на похоронах, оттого что года и болезни иссушили отца. Мишка сделал шаг навстречу, они легонько обнялись. Мишка ощутил еле заметный запах тлена (как тогда, когда отец лежал в гробу, а Мишки поцеловал его лоб, прощаясь)

– Ну и ладно, давай присядем сын. Они расселись, мёрт-

вый отец на своё место на кровать, Мишка, пододвинув стул сел сбоку, возле стола. Оба украдкой поглядывали друг на друга, оба молчали.

– Вырос ты, однако, совсем мужиком стал – прервал молчание отец.

– Ты батя совсем не изменился, такой же каким я тебя в последний раз видел.

– Это в гробу, когда лежал? Так я и явился таким, каким ты меня напоследок запомнил. Так-то в земле уж сгнил весь давно, и костюмчик этот парадный распался в клочья... Спасибо, что на похороны приехал, далеко добираться то было.

– Еле успел, тебя уж выносить хотели...

– Спасибо, постарался, уважил старого.

Мишка и вправду еле успел на похороны: – самолётами, электричками, попутками...

Мог ведь и не торопиться, если бы денег на операцию выслал. Наверное, и доселе отец живой бы бегал по своему огороду! Нет, жена: – «Машину покупай, сколько долго копили! Отец ещё потерпит!» Не потерпел... И уже ничего не исправить. Боль да злоба на себя на всю жизнь. Вот и сейчас подкатила к горлу, сжала сердце.

Мать просила тогда робко в письме: «мол, не может ли он сколь помочь деньжатами, отец хворает, возможно, на операцию деньги понадобятся». Клятвенно обещал, чуть попозже, – не понадобились... Только на похороны.

– Могилку справно изладили, на бугорке, под деревом.

Только вот

супружница моя, рядом со мной лечь хотела, что не способствовали? Отгородить для неё место нужно было. Просила она, наверное.

Просила... И оградку на двоих уж заказали, да только люди, наглые вперёд на это место покойника закопали. Мать узнала, разговаривать перестала, да и померла в одночасье. Похоронили недалеко, но не там. Ох, господи! Передрался тогда Мишка со всеми этими сволочами, чуть жив остался. А толку? За мать обидно до слез. На душе больно. Сейчас вроде договорился за деньги перезахоронить, положить мать рядышком. Дочь школу кончила, на обучение деньги надо... Да пошло все!

– Кредит батя возьму, в этом месяце обязательно матушку рядом с тобой положу. Прости меня, батя! – слезы душили Мишку

– Ладно, сын! Ты о живых думай, не подличай, заботься о родных, вот на душе камня то и не будет висеть.

Тяжело. Мишка враз вспомнил все обиды, нанесённые им отцу и матери, всю чёрствость свою перед ними, невнимание к ним пренебрежение ими... Невыносимо. Пока живы были, разговаривал с ними нехотя, через силу: – «Что надо старые от меня, что прилипли с расспросами? Вырос ведь уже, своя жизнь, и не лезьте, сам разберусь» Искренне удивлялся, когда видел, как те обижались. Только когда своя дочь подросла, и на все стала огрызаться и все ею бесило, тогда

и вспомнил он своих родителей... Да только мёртвые они, не покаешься. Будучи живым, отец все время копошился по дому, постоянно что-то чинил, колотил, строил. Помер и все пошло прахом Дом просел, трубы осыпались, парники сгнили. Гвозди, всякие железяки заржавели в гараже, как и заржавел старенький мотоцикл «Восход». Вещи его, мать перед своей смертью, сожгла на заднем дворе. Был человек, нет человека, словно и не было вовсе. Как и матери. Жена, тварь, единственный семейный альбом и тот сожгла. Говорит нечаянно, только врёт сука, от злобы все.

– Как семья, жена, дочь? – прервал молчание отец. – Ладите?

– Нормально, батя, как все.

– Инструмент то мой жив, пользуешься?

– Конечно, батя, добрый инструмент, всегда под рукой (на самом деле пропил за пару пузырей, когда в запое был).

– Береги инструмент, германский, теперь такой не делают. Ну ладно сына, пора мне. – Отец встал, одёрнул пиджак – Ты уж это, насчёт матери постарайся, положи нас рядом, ладно?

Мишка, наконец поймал взгляд отца, и было в нем столько скорби и в то же время любви и абсолютного понимания и всепрощения.

– Батя ... – только и смог выдавить Мишка. Фигура отца медленно растаяла в воздухе.

Мишка неподвижно сидел на стуле, из глаз его лились слезы. А ещё ему вспомнилось, как покойница мать напекла им

с женой в дорогу пряжеников, а жена брезгливо выкинула их в мусорный бак....

– Суки мы, суки! – обхватив голову, повторял Мишка – И как только земля нас носит?

Воспоминания теснились, громоздились в его мозгах и от воспоминаний этих делалось невыносимо больно и стыдно. Наконец не выдержав, Мишка вскочил и с воплем – Не могу больше! – ринулся прочь из каюты на палубу. Возле дверей его сторожил Юрка.

– Стой, Миха! Прежде чем с собой сотворишь что, будь другом сними меня с этой чёртовой петли! Перед дочерью стыдно. Сними да вылей на меня пару вёдер воды из кингстона. Чтобы не вонял так. Сделаешь?

Мишка глянул на чудовищное лицо Юрки, перевёл взгляд на дочку, что держала того за руку.

– Ладно, сделаем!

Он устремился в компрессорную – Юрка все висел там. Схватив пожарный топор, Мишка с размаху перерубил верёвку, Юркино тело кулём рухнуло на слани. Освободив Юркину шею от петли, Мишка почерпнул пожарным ведром воду из кингстона и вылил на Юркин труп. Прodelав это несколько раз, Мишка отбросил ведро в сторону. И тут же на него опять нахлынула нестерпимая тоска, жить казалось невозможным и никчёмным. Осталось только придумать способ как покончить с собой. Это состояние подавленности, безысходности разрывало душу, казалось ещё немно-

го и Мишка начнёт головой бить об железную переборку... Что-то наехало на баржу с краном. Под бортовыми подзорами зашуршала галька, скрипнув, распахнулась дверь в машинное. Это отвлекло Мишку от суицидальных мыслей. Он быстро вбежал по трапу и выскочил на палубу. В нос баржи бортом прибило катер, на котором Мишка ехал на смену. Было видно, что «Ярославцем» никто не управлял, палуба была пуста, сам же катер медленно разворачивало течением вдоль баржи.

– Уезжай отсюда Мишка скорее! Живи! – это хрипел Юрка, забравшись на лебёдочную крана. Его дочка Катюша подбежала к Мишке, схватила своей ледяной ручкой Мишкино запястье и потянула к барже. – «Уезжай дяденька Миша, раз живой ещё! Ты своему папе обещал, помнишь? Нехорошо мёртвых обманывать!»

Татьяна лишь молча махала рукой в сторону катера. Тот, уже скрежеща цепями кранцев, скользил вдоль баржи

Мишка рывком поднял мёртвую девочку, прижал к себе – «Ты самая красивая и самая умная» – прошептал ей на ухо. Потом он опустил её на палубу крана, запрыгнул на баржу и уже в самой корме догнал и заскочил на «Ярославец»

Некоторое время он молча наблюдал, как растворяется кран и баржа в зелёном тумане. Вот они исчезли совсем. Катер медленно относил все дальше и дальше. Жёлто-зелёные хлопья тумана заслоняли весь мир, казалось, катер плывёт среди облаков в абсолютной пустоте. Мишка сел на лавоч-

ку перед рубкой. На душе было невыносимо гадко. Позади остались его знакомые, хоть и мёртвые, но дорогие ему. А что впереди? Туман, кажется, стал рассеиваться. Мишке показалось, что он на миг даже различил церковные купола. Огромная фиолетовая молния ударила в катер. Мишка бездыханно упал на палубу. Он увидел отца, совсем молодого, сидящего на скамейке и стругавшего черенок от лопаты. Рядом с ним сидела мать, почти девочка и перебирала в подоле ягоды. Они то и дело смотрели друг на друга и улыбались счастливо.